

Марьяна

ЭЛИЗА
ДЖЕЙМС

Любовь
поцелуев

Элоиза Джеймс
Ночь поцелуев
Серия «Долго и счастливо», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6596728
Ночь поцелуев: АСТ; М.: 2013
ISBN 978-5-17-078106-5

Аннотация

Бедная сирота Кейт Долтри появляется на балу в замке принца Гейбриела под именем своей сводной сестры, но инкогнито остается недолго.

Очень скоро Кейт и Гейбриела закружит в водовороте пылкой, неистовой страсти – но это страсть без будущего. Ведь принцу предстоит вступить в брак с русской княжной, а гордая Кэтрин отказывается принять унижительную роль фаворитки...

Казалось бы, печальный конец неизбежен. Но настоящая любовь способна творить чудеса!..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	42
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Элоиза Джеймс

Ночь поцелуев

Пролог

Когда-то, не очень давно, жили-были...

История эта начинается с кареты, которая не превратилась в тыкву, хотя и укатила с бала поздней ночью, и с доброй крестной, которая давным-давно потеряла свою подопечную – наверное, потому, что не была феей. Не обошлось здесь и без нескольких так называемых крыс, каждая из которых, должно быть, втайне мечтала надеть ливрею.

Ну и, конечно, ни одна сказка невозможна без бедной девушки – даже несмотря на то что наша героиня не умела танцевать и совсем не хотела выходить замуж за принца.

Но по-настоящему все началось с крыс.

Они окончательно потеряли совесть – так все говорили. Миссис Суоллоу, экономка, то и дело сетовала:

– Нет, это просто невозможно! Стоит человеку отвернуться, как несносные создания тут же принимаются грызть башмаки!

Да-да, именно в таких выражениях жаловалась она дворецкому, невозмутимому мистеру Черридерри.

– Вполне понимаю и разделяю вашу озабоченность, – отвечал джентльмен с несвойственными ему нотками раздражения в голосе. – Я и сам их не переносу. – Чего стоят эти острые носы! А писк по ночам! К тому же...

– А как ужасно едят! – перебила миссис Суоллоу. – Забираются на стол, прямо в тарелки!

– Да-да, едят из тарелок, – подтвердил мистер Черридерри. – Я видел собственными глазами, честное слово! Причем миссис Долтри при мне кормила их с рук!

Пронзительный крик экономки наверняка донесся бы до гостиной... если бы крысы не подняли оглушительный шум.

Глава 1

Ярроу-Хаус

Резиденция миссис Марианны Долтри, ее дочери Виктории и падчерицы мисс Кэтрин Долтри

Мисс Кэтрин Долтри, больше известная как Кейт, спрыгнула с седла, кипя праведным гневом.

Надо заметить, что подобное состояние вовсе не было для нее новым. Еще при жизни отца – а умер он семь лет назад – новоявленная мачеха нередко вызывала острое раздражение Кейт. Но что такое настоящий гнев, ей довелось узнать только после смерти отца, когда миссис Долтри, носившая титул всего несколько месяцев, стала полноправной хозяйкой поместья.

Арендаторов, которые родились и выросли в своих домах, заставили платить в два раза больше, чем прежде. Те же, у кого не хватало денег, могли убираться на все четыре стороны.

Урожай погибал на корню, а живые изгороди превращались в дикие заросли – все потому, что мачеха жалела денег на поддержание поместья в надлежащем состоянии. Наследство отца уходило на бесконечные наряды: новые платья, шляпки, кружева, рюшечки, воланчики и бантики... в таком количестве, что мачехе и сводной сестре не хватало дней в году, чтобы надеть все свое богатство хотя бы по одному разу.

Гости больше не встречали Кейт за общим столом. Отныне ее жизнь протекала в мансарде – в крошечной комнатке, где старая обшарпанная мебель вполне соответствовала положению падчерицы в огромном доме. Трудно было пережить ненависть к самой себе за малодушие – за то, что не находила сил уйти из дому и положить конец унижению. Да, настоящий гнев родился и вырос из одиночества, отчаяния и печальной уверенности в том, что отец беспомощно переворачивается в гробу.

Воинственно препоясав чресла, как сказал бы отец, Кейт решительным шагом поднялась на крыльцо.

– Добрый день, Черридерри, – поздоровалась она, как только старый верный дворецкий распахнул дверь. – Ты сегодня за лакея?

– Хозяйка отправила лакеев в Лондон, за доктором, – пояснил Черридерри. – Вернее, сразу за двумя.

– Не иначе как очередной приступ. – Кейт осторожно сняла расплывшиеся по швам перчатки. Было время, когда мачеху (в доме все звали ее хозяйкой) подозревали в симуляции болезни, однако после нескольких лет ложной тревоги и ночных криков о нападении разбойников, которые на деле оказывались всего лишь следствием дурного пищеварения, подозрения отпали сами собой.

Черридерри считал, что остается одно: надеяться на лучшее.

– Нет, на сей раз дело не в хозяйке. Пострадало лицо мисс Виктории.

– Неужели укусили?

Дворецкий кивнул.

– Горничная утром рассказала, что верхняя губа распухла и посинела.

Даже острое раздражение не смогло подавить шевельнувшееся в душе сочувствие. Хорошенькое личико и хорошенькие платица составляли единственное достояние Виктории, а потому утрата хотя бы небольшой доли этого богатства навсегда разбила бы бедняжке сердце.

– Нужно срочно поговорить с хозяйкой о жене викария. – Кейт сбросила пелерину в услужливо подставленные руки. – Точнее, теперь уже о вдове. После его смерти я переселила семью в дальний коттедж.

– Да, дело нехорошее, – покачал головой дворецкий. – Особенно для викария. Разве священник имел право лишить себя жизни?

– И оставить на произвол судьбы жену с четырьмя детьми, – добавила Кейт.

– Наверное, не смог примириться с потерей ноги.

– Ну а теперь его детям придется примириться с потерей отца, – сурово заключила Кейт. – Не говоря уже о том, что вчера мачеха отправила им уведомление о выселении.

Черридерри нахмурился.

– Хозяйка распорядилась, чтобы сегодня вы обедали вместе со всеми.

Кейт изумленно замерла.

– Что-что?

– Сегодня вечером вам необходимо обедать за общим столом. Приезжает лорд Димсдейл.

– Шутишь?

Дворецкий покачал головой.

– Так она сказала. Более того, даже решила, что крысы мисс Виктории должны покинуть столовую и переселиться в вашу комнату.

Кейт в изнеможении прикрыла глаза. День начался плохо, а продолжался и того хуже. Она терпеть не могла свору крохотных собачек, которых домочадцы – кто нежно, а кто и не очень – называли крысами. Ничуть не лучше был и Алджернон Беннет, лорд Димсдейл, жених сводной сестры: молодой человек подозрительно часто и легко улыбался. Но всего ужаснее казалась перспектива семейного обеда.

Как правило, удавалось заставить себя забыть о том, что когда-то бразды правления в этом доме принадлежали ей, мисс Кэтрин Долтри. Дело в том, что за несколько лет до смерти мать окончательно слегла, а здоровой дочка ее и вообще не помнила. Кейт привыкла сидеть за обеденным столом напротив отца, регулярно обсуждать с экономкой меню на неделю... что и говорить, здесь, в родном поместье, она надеялась дебютировать, выйти замуж, родить и вырастить детей.

Но все это было при жизни отца, а после его смерти молодая госпожа превратилась в служанку, для которой не нашлось другого места, кроме как на чердаке.

И вот теперь предстояло явиться к обеду в старом, давным-давно вышедшем из моды платье, чтобы выслушивать двусмысленные комплименты лорда Димсдейла и скучать. Зачем? Что кроется за внезапной переменой ветра?

Не в силах подавить дурное предчувствие, Кейт поднялась по лестнице. Мачеха сидела возле туалетного столика и внимательно разглядывала собственное отражение в зеркале. Солнечные лучи падали на волосы и придавали прядям ядовитый, неестественно желтый оттенок. Сиреневое утреннее платье с гофрированным корсажем, перехваченным под грудью широкой лентой, выглядело бы прелестно... на юной дебютантке. Однако Марианна никак не соглашалась принять тот факт, что уже перешагнула порог сорокалетия. Более того, она до сих пор не смирилась с утратой первого цветения молодости, а потому одевалась так, словно все еще оставалась двадцатилетней. Можно было смело утверждать, что мачеха обладала безрассудной храбростью и отчаянным пренебрежением к условностям, неизбежно сопровождающим переход женщины из одной возрастной категории в другую.

И в то же время наряды Марианны не только откровенно выражали чрезмерные амбиции, но и служили утешением в неудачах. Еще ни одной женщине в мире не удалось в сорок лет выглядеть на двадцать, и даже вызывающе чувственное платье не способно вернуть молодость.

– Кажется, ты все-таки закончила свои бесполезные визиты и сподобилась вернуться домой, – ехидно заметила Марианна.

Кейт окинула взглядом заваленный одеждой будуар и решила убрать кучу тряпок с того предмета, который, по ее представлениям, мог оказаться стулом. Комната была забита ворохами разнообразных тканей: мерцающий бархат, пестрые ситцы и блестящие шелка заполнили все горизонтальные поверхности и напоминали причудливые сугробы.

– Что ты делаешь? – насторожилась мачеха, как только Кейт взяла в руки одну из разноцветных охапок.

– Хочу сесть, – ответила Кейт и бросила тряпки на пол.

Марианна подскочила как ужаленная.

– Не смей так обращаться с моими платьями, глупая девчонка! Те, которые лежат сверху, прибыли всего лишь пару дней назад. Они просто великолепны! Если замечу хотя бы одну морщинку, заставлю гладить ночь напролет!

– Мне нельзя доверять такую ответственную работу. Помните, как три года назад сожгла белое платье?

– Ах, прелестная турецкая кисея! – Мачеха горестно заломила руки, очевидно, подражая леди Макбет. – Оно... вон там. – Она ткнула длинным пальцем в угол, где гора возвышалась почти до потолка. – Непременно прикажу перешить. – Марианна вернулась к зеркалу.

Кейт осторожно отодвинула ворох подальше от ноги.

– Хочу поговорить о семействе Крэбтри.

– Господи, я так надеялась, что ты уже выставила эту несносную нищенку за дверь! – воскликнула Марианна, зажигая сигарету. – На следующей неделе явится адвокат и снова начнет совать нос в управление помещьем. Если увидит развалюху, в которой она живет, упрекам конца не будет. В прошлом квартале нудил так долго, что я едва со скуки не умерла.

– Но ведь поддерживать дома арендаторов в приличном состоянии – ваша прямая обязанность. – Кейт встала, чтобы открыть окно.

Марианна возмущенно помахала сигаретой.

– Чепуха! Все эти люди живут на моей земле практически даром, так что вполне могли бы сами позаботиться о ремонте. Крэбтри устроили у себя настоящий свиарник. Недавно я к ним заглянула и пришла в ужас.

Кейт вернулась на свое место и обвела взглядом комнату. Вот уж действительно свиарник! Но молчаливого упрека Марианна даже не заметила: открыла баночку с помадой и начала красить губы.

– Миссис Крэбтри никак не может прийти в себя после смерти мужа, – возразила Кейт. – Она измучена и напугана. А дом вовсе не похож на свиарник – просто немного не хватает порядка. Да и выгонять вдову нельзя: куда она пойдет с малыми детьми?

– Чепуха, – повторила Марианна и наклонилась к зеркалу, чтобы рассмотреть губы. – Наверняка давно придумала запасной вариант. Крэбтри умер больше года назад, так что следующий муженек уже, должно быть, на подходе. Вот увидишь.

Разговоры с мачехой неизменно напоминали попытки заглянуть в темный сарай: трудно было предположить, что именно там окажется, однако ничего хорошего ожидать не приходилось.

– Но ведь это жестоко. – Кейт постаралась говорить как можно увереннее и убедительнее.

– Пусть убираются, – настаивала Марианна. – Я не намерена терпеть бездельников. Ты же знаешь, что я ездила к ним на следующее утро после нелепого самоубийства викария и выражала соболезнования.

Как правило, Марианна избегала встреч с арендаторами и работниками – за исключением тех редких случаев, когда внезапно решала изобразить заботливую благодетельницу.

В такие дни она одевалась особенно пышно и экстравагантно – должно быть, чтобы больше унижить сельских жителей, – выходила из экипажа и безошибочно читала в испуганных лицах тупость и лень их обладателей, после чего приказывала падчерице выдворить неугодных прочь из поместья.

Спасало одно: не проходило и недели, как хозяйка напрочь забывала о собственных недавних распоряжениях.

– Эта женщина, Крэбтри, лежала на диване и плакала. Ты только представь: дети ползают по всей комнате – омерзительное количество детей, – а она отвернулась к стене и рыдает. И плечи трясутся как у плохой актрисы. Может быть, имеет смысл поступить в бродячий театр? Вдовушка недурна собой.

– Она...

Марианна тут же перебила:

– Ненавижу бездельников. Думаешь, когда умер мой первый муж, полковник, я лежала и плакала? Да и после смерти твоего отца разве проронила хотя бы слезинку? А ведь мы с ним наслаждались семейным счастьем всего лишь несколько месяцев!

Кейт слез не заметила, но Марианна и не ждала подтверждения.

– Возможно, миссис Крэбтри и не обладает вашей силой духа, но у нее четверо маленьких детей и мы обязаны о них позаботиться.

– Все, хватит об этом. Мне нужно сообщить тебе кое-что важное. Сегодня вечером придет лорд Димсдейл, так что обедать будешь с нами. – Марианна выпустила изо рта колечко дыма, и Кейт с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться.

– Черридерри уже сказал. С чего бы это вдруг? – Они с мачехой давно отказались от любезностей и даже не пытались скрыть взаимную неприязнь. Трудно было представить, с какой стати внезапно потребовалось ее присутствие за столом.

– Через несколько дней тебе предстоит встретиться с родственниками Димсдейла. – Марианна снова глубоко затянулась. – К счастью, ты хуже Виктории, так что ушить какое-нибудь из ее платьев не составит труда. Расставить было бы сложнее.

– О чем вы? Даже представить не могу, что лорду Димсдейлу интересно сидеть со мной за одним столом, а уж тем более знакомить со своей семьей. Да и сама я вовсе не стремлюсь в светское общество.

Ответить Марианна не успела, так как дверь внезапно распахнулась.

– Крем не помогает! – завопила Виктория и бросилась к матери. Она даже не заметила Кейт; просто упала на колени и спрятала лицо в складках платья.

Марианна тут же отбросила сигарету и, нежно обняв дочь за плечи, заворковала:

– Тише, тише, детка. Разумеется, поможет. Просто нужно время. Мамочка обещает, что все будет хорошо. Твое личико снова станет таким же красивым, как всегда. А на всякий случай я отправила лакеев в Лондон и приказала привезти двух самых лучших докторов.

Кейт заинтересовалась:

– А каким кремом ты намазала рану?

Марианна бросила косой, недружелюбный взгляд и ответила за дочь:

– Ты о таком даже не слышала. Сделан из толченого жемчуга и чудодейственно помогает при любых неприятностях с лицом. Я и сама им каждый день пользуюсь.

– Ты только посмотри на мою губу, Кейт! – Виктория подняла голову. – Обезображена на всю жизнь! – На глазах выступили слезы отчаяния.

Нижняя губа действительно внушала тревогу: распухла и из нежно-розовой превратилась в фиолетовую. Да и рот заметно съехал в сторону.

Кейт встала и подошла ближе, чтобы как следует рассмотреть.

– А доктор Басби это уже видел?

– Приезжал вчера, старый дурак, – заявила Марианна. – Даже не понимает, насколько это серьезно. Не предложил никакого лечения, никакой мази не назначил. Ровным счетом ничего не сделал!

Кейт повернула Викторию к свету.

– По-моему, место укуса воспалилось, – рассудила она. – А вы уверены, что этот крем в достаточной степени гигиеничен?

– Ах так? Позволяешь себе ставить под сомнение мое решение? – закричала Марианна и в бешенстве вскочила.

– Да, позволяю, – невозмутимо подтвердила Кейт. – Если Виктория так и останется с перекошенным ртом из-за шарлатанского лекарства, которое вам обманом всучили в Лондоне, то виноваты будете вы!

– Грубиянка! – Разгневанная Марианна шагнула к падчерице.

Однако Виктория предостерегающе подняла руку.

– Подожди, мама. Кейт, так ты действительно считаешь, что крем вреден? Губа ужасно болит.

Виктория отличалась необыкновенной красотой: очаровательное личико, безупречный цвет лица и большие томные глаза – всегда слегка влажные, как будто она только что смахнула сентиментальную слезу. А поскольку слезы на самом деле приходилось смахивать с утра до вечера – и сентиментальные, и прочие, – то глаза практически не просыхали. Вот и сейчас по щекам скатились две крупные прозрачные капли.

– Думаю, в рану попала инфекция, – нахмурилась Кейт. – Губа хорошо заживала, но теперь... – Она слегка нажала, и Виктория вскрикнула от боли. – Боюсь, придется вскрывать нарыв.

– Ни за что! – взревела Марианна.

– Но я не могу позволить резать лицо, – дрожа от ужаса, пробормотала Виктория.

– Хочешь остаться кривой? – терпеливо уточнила Кейт.

Виктория задумалась.

– Не позволю ничего предпринимать до визита лондонских докторов, – сурово заявила мачеха и снова села.

Марианна бесконечно доверяла всему, что являлось из Лондона. Кейт подозревала, что причина снобизма кроется в деревенском детстве. Впрочем, за годы совместной жизни Марианна ни словом не обмолвилась о своем прошлом, так что судить наверняка было трудно.

– Что ж, остается надеяться на их скорый приезд, – заключила Кейт, втайне раздумывая, не грозит ли воспаление губы заражением крови. Хотелось верить, что все обойдется. – Так зачем я понадобилась вам во время обеда, Марианна?

– Конечно, из-за моей губы, – жалобно пробормотала Виктория и хрюкнула как поросенок.

– Из-за губы? – повторила Кейт.

– Мне нельзя будет поехать с визитом, да? – невнятно добавила Виктория.

– Через несколько дней твоей сестре предстоит отправиться в гости к одному из важных родственников лорда Димсдейла, – пояснила Марианна. – Если бы ты не бегала по поместью с утра до вечера и не выслушивала бесконечные жалобы никчемных бездельниц, то наверняка бы об этом помнила. Он принц. Принц!

Кейт устало опустила на стул и посмотрела сначала на одну из названных родственниц, а потом на вторую. Марианна сияла и блестела, как новенький полупенсовик. Виктория, напротив, выглядела мягкой, туманной, чуть расплывчатой. Удивительные розоватые волосы – нечто среднее между светлыми и рыжими – причудливо вились вокруг лица, в

то время как прическа Марианны отличалась безупречной законченностью. Горничная не напрасно трудилась три часа кряду с раскаленными железными щипцами в руках.

– Честно говоря, не понимаю, какое отношение имеет ко мне этот отложенный визит, – призналась Кейт, – хотя искренне сочувствую твоему разочарованию, Виктория.

Она не кривила душой. Ненависть к мачехе ни в малейшей степени не распространялась на сводную сестру. Во-первых, Виктория обладала таким мягким характером, что никогда не подавала поводов для разногласий, а во-вторых, Кейт попросту жалела бедняжку, ведь водопад любви, который обрушивала на нее мать, был еще хуже постоянных придирок и претензий к падчерице.

– Видишь ли, – печально произнесла Виктория, усаживаясь на кучу платьев, высотой напоминавшую стул. – Тебе придется стать мной. Я не сразу поняла мамин план, но она рассчитала все до мелочей. Уверена: милый Элджи согласится.

– Но я никак не смогу стать тобой, что бы это ни означало, – категорично заявила Кейт.

– Очень даже сможешь, – возразила Марианна. Она как раз закурила первую сигарету и теперь зажигала от нее вторую. – И станешь.

– Нет, не стану. Понятия не имею, о чем вы рассуждаете. В каком контексте мне придется изображать Викторию? И перед кем?

– Перед принцем, разумеется. – Марианна слегка пожала плечами и взглянула на падчерицу сквозь дымовую завесу. – Разве ты не слышала, о чем речь?

– Хотите, чтобы я притворилась Викторией? Перед принцем? Каким принцем?

– Я тоже не сразу поняла. – Виктория с опаской провела пальцем по больной губе. – Видишь ли, чтобы Элджи смог на мне жениться, необходимо одобрение одного из высокопоставленных родственников.

– А именно принца, – вставила Марианна.

– Элджи говорит, что этот человек – принц из какой-то крошечной страны на краю света, и других родственников по материнской линии у него в Англии нет. Поэтому леди Димсдейл готова передать свое приданое только после его одобрения. Такова воля покойного лорда Димсдейла, – пояснила Виктория. – Ужасно несправедливо! Если Элджи женится до тридцати лет без согласия матери, то потеряет огромную часть своего наследства. А ему нет еще и двадцати!

Кейт восхитилась находчивостью отца Димсдейла. Насколько она могла судить, Димсдейл-младший годился для серьезного управления семейным состоянием в той же степени, что и крысы – для хорового пения. Разумеется, ее это обстоятельство ничуть не касалось.

– Завтра утром доктора вылечат твою губу, – успокоила она Викторию, – и как ни в чем не бывало поедешь к своему принцу. Почти как та самая кошка из детского стишка, которая отправилась в Лондон, чтобы взглянуть на королеву.

– В таком виде никуда ехать нельзя! – брезгливо отрезала Марианна. Впервые в жизни родная дочь вызывала у нее откровенную неприязнь.

Виктория обернулась и удивленно посмотрела на мать, однако не произнесла ни слова.

– Еще как можно! – стояла на своем Кейт. – Что за дурацкий маскарад? Ни один человек на свете ни на миг не поверит, что я – это Виктория. А если даже и поверит, то неужели потом не вспомнит о подлоге? Что, если принц встанет в церкви и прервет брачную церемонию? Заявит, что невеста совсем не та молодая леди, с которой он встречался?

– Этого не случится хотя бы потому, что свадьба состоится сразу после визита, по церковной лицензии, – успокоила Марианна. – Димсдейла впервые пригласили в замок, и упустить возможность мы не можем. Его высочество устраивает бал по случаю собственной помолвки, и ты поедешь вместо Виктории... точнее, в качестве Виктории.

– Но почему бы ей не отложить визит до выздоровления и не поехать самой, после бала?

– Потому что я должна как можно скорее выйти замуж, – потупилась Виктория. Кейт на миг застыла.

– Должна?

Виктория коротко кивнула. Кейт взглянула на мачеху, и та пожала плечами.

– Скомпрометирована. Уже три месяца.

– О Господи! – горячо воскликнула Кейт. – Но ты же его совсем не знаешь!

– Я люблю Элджи, – серьезно призналась Виктория. – После того как в марте, воскресным утром, увидела его в Вестминстерском аббатстве, даже не хотела дебютировать, но мама заставила.

– В марте, – повторила Кейт. – Ты встретила с ним в марте, а сейчас уже июнь. Неужели милый Элджи сделал предложение три месяца назад, и ты все это время молчала?

Виктория смущенно хихикнула.

– Ты прекрасно знаешь, когда он сделал предложение: я сразу сообщила новость, – всего лишь две недели назад.

Марианна поморщилась так, что морщины не смог бы разгладить даже чудодейственный крем из толченого жемчуга.

– Димсдейл немного запоздал с ухаживанием.

– Только не с ухаживанием! – возразила Кейт. – В этом отношении он как раз проявил редкую порочность.

Марианна недовольно нахмурилась.

– Как только лорд Димсдейл осознал ситуацию, немедленно сделал Виктории официальное предложение.

– На вашем месте я бы его убила, – заключила Кейт.

– Правда? – Марианна неопределенно улыбнулась. – Что ж, ты всегда была дурочкой. Лорд Димсдейл носит титул виконта, а когда-нибудь получит и вполне приличное состояние. К тому же он по уши влюблен в твою сестру и твердо намерен на ней жениться.

– Повезло, – пробормотала Кейт и посмотрела на Викторию: та без остановки водила пальцем по больной губе. – Я ведь советовала вам нанять дуэнью, Марианна. Виктория могла бы найти и более интересного жениха.

Миссис Долтри молча отвернулась к зеркалу. По правде говоря, Виктория годилась не каждому: слишком мягкая, почти как пропитанный сиропом пудинг, да и плакала слишком часто и много.

Хотя, с другой стороны, хороша собой и наверняка плодовита. Плодовитость – очень ценное женское качество. Достаточно вспомнить, как страдал отец от отсутствия сына. Спустя всего лишь две недели после смерти матери женился во второй раз – настолько не терпелось начать новую жизнь, основать новую семью.

Должно быть, Марианна выглядела такой же плодовой, какой на практике оказалась ее дочь. К сожалению, убедиться он не успел.

– Значит, вы просите меня поехать к принцу и притвориться Викторией, – задумчиво подытожила Кейт.

– Нет, не прошу, – тут же возразила Марианна. – Приказываю.

– О, мама! – со слезами на глазах воскликнула Виктория. – Зато я прошу. Умоляю. Пожалуйста, Кейт, пожалуйста. Я так хочу выйти замуж за Элджи! И не просто хочу – должна. Тогда, весной, я еще не совсем понимала, что к чему, и... – Она расправила платье. – Нельзя, чтобы все вокруг узнали о ребенке. И Элджи тоже так считает.

Разумеется, Виктория далеко не сразу осознала, что ждет ребенка. Более того, сам акт зачатия тоже скорее всего оставался для нее тайной, не говоря уж о последствиях.

– Нет, вы не приказываете, а просите. – Кейт посмотрела на мачеху. – Единственное, что в ваших силах, – это втолкнуть меня в экипаж лорда Димсдейла. А вот проконтролировать хотя бы малую часть из того, что я скажу этому неведомому принцу, все равно не сможете.

Марианна сердито нахмурилась.

– Но еще важнее другое, – продолжала Кейт. – Всего лишь несколько месяцев назад Виктория дебютировала в обществе, причем, насколько мне известно, очень ярко. На балу в замке наверняка окажутся те, кто ее уже видел.

– Именно поэтому я и посылаю туда тебя, а не какую-нибудь девчонку с улицы, – парировала мачеха с обычной прямолинейностью.

– С тобой поедут мои собачки, – добавила Виктория. – Ведь это они сделали меня знаменитой. Увидев милых крошек, все сразу подумают, что ты – это я. – По хорошенькой щечке скатилась очередная хрустальная слеза. – Вот только мама говорит, что я должна отказаться от своих любимцев.

– Сейчас они сидят у меня в спальне, – констатировала Кейт.

– Отныне собаки твои, – распорядилась Марианна, – по крайней мере на время визита. А потом мы... – Она взглянула на дочь и осеклась. – Потом отдадим их каким-нибудь достойным сироткам.

– Ах, бедняжки всей душой полюбят моих малюток, – мечтательно произнесла Виктория, всецело игнорируя то обстоятельство, что привычка кусаться сирот вовсе не порадует.

– Кто же будет сопровождать меня в качестве компаньонки? – поинтересовалась Кейт. Продолжать разговор о крысах ей не хотелось.

– Тебе никто не нужен, – презрительно отрезала Марианна. – Прекрасно скачешь по полям в полном одиночестве.

– Очень жалею, что не таскала с собой Викторию, – заметила Кейт. – Уж я бы не позволила Димсдейлу обращаться с ней как с обычной гулящей девчонкой.

– О, зато ты наверняка сохранила девственность! – злобно огрызнулась Марианна. – Вот только непонятно, какой от этого достоинства толк. Не беспокойся, лорд Димсдейл не станет посягать на твою пыльную добродетель: он влюблен в Викторию.

– Да, Элджи меня любит, – всхлипнула Виктория. – И я его тоже люблю. – Бархатные глаза снова увлажнились.

Кейт вздохнула:

– Но ведь я поеду в образе Виктории. Если появлюсь в замке наедине с Димсдейлом, разразится скандал, причем затронет он не меня, а ее. После этого уже никто не удивится, что со дня свадьбы до рождения ребенка прошло меньше положенного срока.

В комнате повисло напряженное молчание.

– Что ж, будь по-твоему, – наконец решила Марианна. – Викторию я, разумеется, сопровождала бы сама, но оставлять ее одну в таком состоянии не хочу. Можешь взять с собой Розали.

– Горничную? Назначаете мне в компаньонки горничную?

– Ну и что? – пожала плечами мачеха. – Она может сесть между тобой и лордом Димсдейлом – на тот случай если ты окончательно потеряешь голову и бросишься его обнимать. К тому же крысиная горничная тоже поедет.

– У собак есть собственная горничная?

– Да. Мери, которая обслуживает первый этаж, – пояснила Виктория. – Она чистит камин, а еще каждый день купает моих питомцев и расчесывает им шерстку. Видишь ли, держать домашних животных – большая ответственность.

– Нет, Мери я не возьму, – решительно заявила Кейт. – Миссис Суоллоу без нее ни за что не обойдется.

– Как скажешь. – Марианна равнодушно пожала плечами.

– И все же из этой затеи ничего хорошего не получится. – Кейт попыталась вернуть разговор в разумное русло. – Мы же совсем не похожи друг на друга.

– Еще как похожи! – убежденно воскликнула мачеха.

– Нет, действительно не похожи, – поддержала сводную сестру Виктория. – Я... такая как есть, а Кейт... – Она окончательно запуталась и умолкла.

– Виктория хочет сказать, что она очень красивая, а я нет, – мужественно пришла на помощь Кейт. – К тому же мы всего лишь сводные сестры, а потому сходства между нами ничуть не больше, чем между двумя любыми, случайно оказавшимися рядом англичанками.

– У вас одинаковый цвет волос, – убежденно заявила Марианна и закурила новую сигарету.

– Разве? – с сомнением уточнила Виктория.

Вообще-то Марианна была права. Существенная разница заключалась в прическах: подстриженные по последней моде локоны Виктории изящно обрамляли хорошенькое личико, а Кейт по утрам торопливо расчесывала волосы, привычным движением скручивала в жгут и закалывала на затылке. Времени на сложную прическу никогда не хватало. Да и на простую тоже.

– Вы с ума сошли. – Кейт не оставляла надежду вразумить мачеху. – Все равно никто не поверит, что я ваша дочь.

Виктория нахмурилась, и на чистом лбу появилась опасная морщина.

– К сожалению, мама, так и есть. Об этом я просто не подумала.

Взгляд Марианны стал напряженным, что случалось только в минуты настоящего гнева. Вот только что ее так рассердило?

– Кейт выше меня. – Виктория прилежно загнула пальчик. – И волосы у нее значительно темнее и намного длиннее. Да и вообще мы выглядим совсем по-разному. Даже если она наденет мое платье.

– Вы сестры, – неумолимо процедила Марианна сквозь зубы.

– Сводные сестры, – терпеливо уточнила Кейт. – Тот факт, что вы вышли замуж за папу, не сделал нас родственницами. А ваш первый муж...

– Повторяю, вы сестры.

Глава 2

Замок Поумрой, Ланкашир

– Ваше высочество.

Принц, чей полный титул звучал как Гейбриел Альбрехт Фредерик Уильям фон Ашенберг-Уорл-Марбург-Баасфельд, обернулся и увидел дворецкого Бервика. Тот стоял у двери с серебряным подносом в руках.

– Унгентариум разбился на мелкие куски, Вик. Говори скорее.

– Унгентариум, – с отвращением повторил Бервик. – Можно подумать, что это какой-нибудь непристойный предмет, купленный в Париже. В непристойном квартале, – брезгливо добавил он.

– Избавь, пожалуйста, от своих критических суждений, – отмахнулся Гейбриел. – Этот кувшин предназначен для мертвых, а не для живых. Был найден в детской могиле. Внутри лежало шесть маленьких косточек для игры в бабки.

Бервик подошел и склонился над столом, сплошь усыпанным глиняными черепками.

– А где же косточки?

– Болван Биггитстиф их выкинул. Да он и сам кувшин тоже выкинул, потому что ребенок оказался бедным, а профессор предпочитает разорять могилы королей. Вот пытаюсь понять, каким образом держалась крышка, которой у меня нет. Скорее всего вот здесь, с двух сторон, существовали бронзовые заклепки. – Принц провел пальцем по остатку горлышка. – И прежде чем унгентариум попал в могилу, эти заклепки чинили по крайней мере один раз. Вот видишь?

Бервик посмотрел на черепки.

– Не мешало бы снова починить. Что вас привлекает в этом хламе?

– Родители умершего ребенка не смогли дать ему в подземный мир ничего, кроме кувшина с костями, чтобы он и там мог играть в бабки. – Гейбриел взял лупу. – Так чем же этот дар хуже золота, за которым охотится Биггитстиф?

– От княжны Татьяны пришло известие, – сообщил Бервик, безоговорочно приняв суждение господина относительно ценности археологических находок. – Ее светлость сейчас в Бельгии и прибудет в положенное время. И еще: уже двести человек подтвердили, что будут присутствовать на балу в честь вашей помолвки. Среди них и ваш племянник Алджернон Беннет, лорд Димсдейл. Судя по всему, он прибудет заблаговременно.

– И привезет с собой золотое руно? – Гейбриел знал, что родственник, которого он помнил толстым неуклюжим мальчишкой, собирается жениться на одной из самых богатых наследниц Англии.

– Его сиятельство явится в сопровождении невесты, мисс Виктории Долтри, – оповестил дворецкий, заглянув в список.

– Трудно поверить, что Димсдейл сумел заполучить такой подарок. Не иначе как у этой мисс что-нибудь не в порядке: или веснушки, или косоглазие, – пробормотал Гейбриел, старательно прилаживая осколки в надежде определить местонахождение заклепок.

Бервик покачал головой.

– Мисс Долтри дебютировала в Лондоне этой весной и была признана одной из самых красивых молодых леди на брачном рынке. – Принц провел в Англии всего лишь несколько месяцев, однако дворецкий уже успел узнать все сплетни бомонда. – Ее влюбленность в жениха также привлекла всеобщее внимание, – добавил он.

– А все потому, что она еще не видела меня, – беспечно заметил Гейбриел. – Может, я успею ее украсть до того, как вернется моя собственная невеста? Готов сменить русское золотое руно на английское, тем более что английский язык намного легче русского.

Дворецкий молча оглядел господина с головы до пят. Гейбриел отлично знал, что тот увидел: старательно зачесанные со лба длинные черные волосы, кустистые брови, наводившие страх на некоторых особенно чувствительных дам, темную щетину, от которой никогда не удавалось избавиться. Что-то в его внешности отпугивало мягкосердечных красоток – особенно тех, которые любили ласково прижаться к нему и поворковать.

– Попробовать-то, конечно, можно, – наконец отозвался Бервик. – Вот только боюсь, что рук не хватит: придется очаровывать собственную невесту.

Не лучшее из его оскорблений, но тоже ничего.

– Говоришь так, как будто Татьяна при одном лишь взгляде на меня тут же от страха убежит. – Гейбриел отлично сознавал, что выражение его темных глаз неизменно приводило в ужас нежных леди, привыкших видеть в мужчинах комнатных собачек. Но с другой стороны, еще не родилась та, чьи глаза не распахнулись бы от счастья при встрече с особой королевской крови. Каждой хотелось получить своего собственного, карманного принца.

И все же впервые в жизни предстояло испытать свои чары не на любовнице, а на жене. Давно известно, что к браку женщины относятся куда серьезнее, чем к случайной встрече в постели.

Гейбриел сдержал ругательство, готовое сорваться с губ, и, повернувшись к столу, взглянул на разбитый кувшин.

– Наверное, хорошо, что у невесты не больше выбора, чем у меня.

Бервик поклонился и исчез так же бесшумно, как появился.

Глава 3

Ярроу-Хаус

В комнате стало неестественно тихо – как в лесу после выстрела.

Виктория стояла молча. Кейт посмотрела в ее мягкие, чуть подернутые туманом глаза и поняла, что заявление матери пролетело мимо ее сознания.

– Мы сестры? – едва слышно переспросила она.

– Да. А потому советую не продолжать спор, а поехать к принцу, не дожидаясь позора, потому что Виктория – твоя сестра.

Внезапно Кейт почувствовала облегчение. Конечно же, она просто не так поняла...

– Единокровная сестра, – уточнила Марианна скрипучим голосом.

– Но ведь... – Кейт повернулась к виновнице суматохи. – Сколько тебе лет?

– Ты и сама отлично это знаешь. – Виктория снова потерла нижнюю губу и тихонько всхлипнула. – Ровно на пять лет меньше, чем тебе.

– Значит, восемнадцать. – Голос прозвучал спокойно, хотя сердце отчаянно колотилось.

– А из этого следует, что тебе уже все двадцать три, – любезно подсказала Марианна. – Или даже двадцать четыре. В таком возрасте недолго и забыть.

– А как же ваш муж, полковник?

Марианна неопределенно пожала плечами.

Кейт испугалась, что задохнется. Жизнь внезапно предстала в новом свете, с бесконечными неразрешимыми вопросами, о существовании которых она прежде и не подозревала. Да, всего через две недели после похорон матери отец вернулся домой и с порога заявил, что собирается жениться по специальной лицензии.

Мама много лет тяжело болела и все время лежала, а отец изредка заглядывал в комнату и ограничивался несколькими жизнерадостными фразами да иногда посылал от двери воздушный поцелуй. Ни разу не присел возле кровати, не взял мать за руку, не погладил по волосам.

Потому что, как выяснилось, все это время он сидел рядом с Марианной.

– Кажется, я что-то пропустила. – Виктория посмотрела озадаченно. – Ты плачешь, Кейт?

Кейт сдерживалась из последних сил. В последний раз она лила слезы на похоронах отца.

– Разумеется, нет!

В комнате вновь повисла давящая тишина.

– Но почему же вы никогда ничего не рассказывали? – наконец обратилась она к мачехе. – Хотелось бы узнать подробности.

– Подробности тебя не касаются, – отрезала Марианна и посмотрела на дочь. – Помнишь, милочка, как мы встречались с нашим дорогим Виктором еще до того, как переехали жить в этот дом?

Виктор! Кейт никогда и в голову не приходило, что имя сводной сестры непосредственно связано с именем отца.

– Да, – кивнула Виктория, – часто встречались.

– А все потому, что твоя мать была его любовницей, – пояснила Кейт. – Полагаю, отец ездил к вам одиннадцать лет подряд – до тех пор пока не умерла мама. – Она повернулась к Марианне: – А существовал ли вообще полковник? Или Виктория родилась вне брака?

– Какая разница? – отрезала мачеха ледяным тоном. – Я и сама в состоянии обеспечить дочку всем необходимым.

В этом Кейт не сомневалась. Любимый безалаберный отец завещал все свое состояние новой жене, ну а Марианна обратила наследство в щедрое приданое для Виктории. Ей и дела не было до того, что поместье требовало постоянной заботы и вложения средств. Отныне полноправной хозяйкой стала сестра.

Сестра, которая оказалась не только беременной, но к тому же рожденной за рамками закона. Судя по всему, полковника, своего первого мужа, Марианна просто выдумала... чтобы соблюсти видимость приличия.

Мачеха встала и затушила сигарету в пепельнице, уже и без того переполненной окурками.

– Признаюсь, я потрясена. Почему вы не обнимаетесь в порыве сестринской радости? Что ж, раз так, придется расставить точки над *i*. Ты, Кэтрин, отправишься в замок Поумрой, потому что твоя единокровная сестра ждет ребенка и ей незамедлительно нужно выйти замуж. Наденешь платье Виктории, возьмешь с собой этих нелепых собачонок и сделаешь все, что потребуется. – Марианна выглядела решительной и очень-очень усталой.

– Но в этом случае вы оставите семье Крэбтри их дом, – немедленно парировала Кейт.

Мачеха пожала плечами, и стало ясно, что на самом деле судьба вдовы священника ей глубоко безразлична, а заговорила она об этом всего лишь на тот случай, если бы тема кровного родства не сработала.

– Я пригласила того самого парикмахера, который стриг Викторию, – сообщила она ровным тоном. – Мастер придет завтра и приведет в порядок твои волосы. А еще придут три портнихи – ведь понадобится ушить не меньше двадцати платьев.

– В замке придется провести дня три-четыре, – пояснила Виктория.

Она встала, и Кейт впервые заметила, что сестра действительно в положении: в движениях появилась медлительность и тяжесть.

– Прости, мне очень жаль, – тихо произнесла она.

– Тебе не о чем жалеть и не за что извиняться! – перебила Марианна.

– Нет, есть, – настойчиво возразила Виктория и снова обратилась к Кейт: – Жаль, что отец оказался таким, каким был. О том, что он женился на моей маме, я, конечно, не жалею, а вот обо всем остальном... представляю, как ты к нему теперь относишься.

Кейт не любила вспоминать отца. Все семь лет, прошедшие со дня смерти, старалась о нем не думать. Было слишком больно представлять, как он смеялся, как стоял возле камина с бокалом в руке и рассказывал забавные истории о Лондоне.

И вот внезапно появилась новая причина для боли.

Она вежливо ответила на объятие Виктории, но при первой же возможности отстранилась и посмотрела на мачеху.

– С поездкой все понятно, но зачем мне сегодня выходить к обеду?

– Лорд Димсдейл сомневается, что вы похожи настолько, что удастся обмануть кого-нибудь из тех, кто уже видел твою сестру.

– А как же волосы?

– Дело не в волосах. Как только наденешь приличное платье, сразу сама увидишь сходство. Виктория известна своей красотой, собаками и хрустальными туфельками. Если непустишь в ход свой ядовитый язык, то вполне за нее сойдешь.

– Что еще за хрустальные туфельки? – удивилась Кейт.

– О, это просто чудо! – Виктория забыла о слезах и восторженно захлопала в ладоши. – Это я ввела их в моду, и в этом сезоне все начали носить такие!

– У вас один и тот же размер, – заметила Марианна. – Должны подойти.

Кейт посмотрела сначала на свое старое серое платье, а потом на мачеху.

– А что бы вы делали, если бы отец был жив? В этом случае я дебютировала бы в свете, как собиралась, и все сразу заметили бы наше с Викторией сходство.

– Это обстоятельство нисколько меня не тревожило, – отмахнулась Марианна.

– Но почему же? Вдруг кто-нибудь увидел бы нас вместе и догадался?

– Девочка моложе тебя на целых пять лет! До твоего замужества вполне можно было держать ее в классной комнате.

– А что, если бы никто не сделал мне предложение? Если бы мужа не нашлось?

Марианна криво усмехнулась:

– Еще чего! Тебе никогда не приходило в голову посмотреть в зеркало?

Кейт вздохнула. Разумеется, в зеркало она смотрела. И видела скучные, абсолютно правильные черты лица. Ни волшебных глаз Виктории, ни ее восхитительных локонов, ни очаровательной улыбки. Ничего этого просто не было.

– Ты просто дурочка. – Марианна потянулась к портсигару, но передумала. – Слишком много курю, а все из-за тебя. Ради всего святого, постарайся к восьми часам надеть что-нибудь приличное: посоветуйся с горничной Виктории, она подскажет. В твоей ужасной тряпке даже каминны чистить стыдно.

– Не хочу, чтобы Элджи видел мою губу, – заныла Виктория.

– Не волнуйся. Прикажу Черридерри поставить на стол одну-единственную свечу, – успокоила мать. – Твой Димсдейл не заметит, даже если крыса прыгнет к нему в тарелку.

Таким образом, круг замкнулся, потому что именно с крыс вся история и началась.

Глава 4

Кейт ясно сознавала, что все домашние на ее стороне. Слуги давным-давно жили в Ярроу-Хаусе, а многие из молодых лакеев и горничных здесь родились и выросли. Все они привыкли прислуживать аристократам – истинным леди и джентльменам, – а не нахальным амбициозным выскочкам. Низкое происхождение Марианны сразу бросалось в глаза. Сама Кейт раньше считала, что мачеха – дочь торговца, которой посчастливилось выйти замуж за полковника. Разве можно было представить, что она...

Она – это она.

Падшая женщина. Любовница отца. Одним словом, распутница.

Стоило ли удивляться, что бедняжка Виктория, едва выйдя в свет, сразу себя потеряла? Мать не сумела достойно провести дочь даже через первый сезон. Честно говоря, Кейт и сама не очень ясно представляла, как следует вести себя в обществе. Когда мать окончательно слегла, ей едва исполнилось двенадцать. В шестнадцать Кейт осталась сиротой, а отец тут же женился снова. Конечно, она привыкла пользоваться столовыми приборами и умела делать изящный реверанс, однако с тонкостями бомонда была не знакома.

Правда, целый год продолжались регулярные уроки танцев, но было это давно... можно сказать, в другой жизни. Наверное, существовали какие-то особые правила беседы с принцами. Может быть, к особам королевской крови нельзя поворачиваться спиной, а чтобы выйти из комнаты, нужно пятиться? Или этот закон относится исключительно к королям и королевам?

Горничную Розали удалось отыскать в гардеробной Виктории. Когда-то эта комната предназначалась для гостей, но со временем платьев накопилось невероятное множество, а посетители, напротив, иссякли, и спальня постепенно превратилась в склад одежды.

Кейт с любопытством огляделась. Вдоль стен стояли огромные шкафы и комоды, до отказа набитые тряпками. Из полуоткрытых ящичков свисали кружева и ленты, торчали уголки украшенных вышивкой тканей. В воздухе витал легкий аромат роз и свежего белья.

– Черридерри уже предупредил о сегодняшнем обеде, а завтра утром придут портнихи, – с готовностью сообщила Розали. – Вот, перебираю платья мисс Виктории.

Задача оказалась не из легких, поскольку по масштабу гардероб дочери едва ли уступал гардеробу матери. К счастью, порядка здесь было намного больше.

– Наверное, сегодня вечером лучше надеть вот это, потому что с ним меньше всего работы: нескольких стежков на талии будет достаточно.

Она показала платье из бледно-розового шелка. Вырез выглядел довольно скромным, а юбку украшали многочисленные рюши и воланы, под которыми просвечивал атласный чехол более насыщенного оттенка.

Кейт осторожно тронула воздушную ткань. Отец умер еще до того, как пришла пора готовиться к светскому дебюту и целенаправленно посещать модисток. Ну а после похорон траурный черный цвет сменился тусклым серым и скучным коричневым – эти оттенки как нельзя точнее отражали положение падчерицы в доме.

– Розовый выгодно подчеркнет ваши прекрасные волосы, – пояснила Розали. – А корсет и вообще не нужен: вы такая тоненькая.

Горничная начала расстегивать на госпоже платье, однако Кейт тут же ее отстранила.

– Пожалуйста, позвольте мне... – попросила та.

Кейт покачала головой.

– Я уже много лет обхожусь своими силами. Если потребуется, поможешь надеть новое платье, а уж с этим как-нибудь справлюсь.

Вскоре мисс Долтри осталась в одной старенькой сорочке. Корсет у нее, конечно, был, однако эта сложная деталь дамского туалета плохо сочеталась с верховой ездой, а потому без дела лежала в нижнем ящике комода.

Внимательный взгляд горничной скользнул по потертым, обтрепанным бретелькам, подшитым не очень умелой рукой, по подолу, которому не мешало бы оказаться на несколько дюймов ниже.

– Мистер Долтри... – начала она, но договорить не решилась.

– Переворачивается в могиле и так далее, – продолжила Кейт. – Давай-ка лучше займемся делом.

Розали принялась вытаскивать из прически шпильки, то и дело прищелкивая языком, как будто процесс доставлял наслаждение.

– Даже не представляла, что у вас такие роскошные волосы! – наконец восторженно воскликнула она, едва локоны вырвались на свободу.

– Специально затягиваю их в пучок и закалываю, – пояснила Кейт. – Очень мешают работать.

– Но вы не должны работать! – возмутилась горничная. – Все это неправильно: и старое линялое платье, и сорочка, больше похожая на посудную тряпку. Я даже не знала, что все настолько плохо!

Она убрала расческу, выдвинула один из ящиков, где стопками лежало тонкое ослепительно белое белье, и достала совершенно новую сорочку.

– У мисс Виктории их столько, что исчезновения одной она даже не заметит – не потому, что такая же неаккуратная, как мать: просто предпочитает шелковые. – Розали ловко сняла с Кейт старую сорочку и бросила на пол. – Ну а мне больше нравится хороший хлопок, потому что на шелке остаются следы от пота. Настоящая леди должна быть безупречна до последней ниточки.

Сорочка скользнула по коже как прозрачное облако, а изящное кружево вернуло давно забытое ощущение изысканной элегантности.

Если бы отец не ушел из жизни так рано и светский дебют состоялся, Кейт постоянно носила бы дорогое белье и изящные платья, а не одевалась бы в серые лохмотья, как бедная родственница, в которую превратилась сразу после его смерти.

Мать оставила ей небольшое состояние, однако какой смысл в приданом, если у нее нет никакой надежды на то, что она встретит достойного человека. Несколько лет подряд Кейт пыталась заставить себя уехать из дому, отправиться в Лондон, найти работу гувернантки... любым способом выбраться из безнадежного тупика. Но это означало бы бросить на произвол судьбы арендаторов и слуг, позволить Марианне безнаказанно глумиться над людьми.

И она осталась.

Не прошло и часа, как волосы были тщательно расчесаны, завиты и уложены в стиле Виктории. Толстый слой рисовой пудры придавал лицу такой же изнеженно-бледный оттенок, каким отличалась кожа сестры. Последний штрих – розовая, в цвет платья, губная помада.

Кейт подошла к зеркалу в надежде увидеть томную, изнеженную красавицу. Увы, вместо радости пришлось пережить глубокое разочарование. Викторию она не напоминала даже отдаленно, а красавицей ее мог бы назвать разве что слепой. Фигура выглядела слишком худой и угловатой, а платье неуклюже свисало с плеч.

Розали потянула за рукав.

– У вас руки совсем не такие, – пробормотала она.

Кейт посмотрела вниз и сразу поняла, в чем дело. Два-три часа в день она неизменно проводила в седле и объезжала поместье, чтобы поддерживать хозяйство в том же исправном состоянии, в каком содержал его управляющий – до тех пор пока мачеха не вышвырнула неугодного слугу из дома. Натруженные руки выглядели мускулистыми и загорелыми:

трудно было представить, что другие молодые леди хотя бы раз в жизни сталкивались с подобной проблемой.

Но это еще не все. Несмотря на пудру, помаду и кудри, лицо упрямо отказывалось меняться и принимать несвойственное кукольное выражение. Скулы все равно оставались слишком резкими, а брови – чересчур густыми и темными.

– Но я же совсем не похожа на Викторию! – воскликнула Кейт, не в силах скрыть отчаяние. В глубине души у нее таилась надежда, что мода окажется всесильна и красивое платье, прическа и пудра с помадой сотворят чудо и превратят ее в такую же изнеженную красавицу, какой была Виктория, – в бриллиант чистой воды.

И все же старшая мисс Долтри выглядела не бриллиантом, а самым простым и грубым камнем, каких много валяется на обочине дороги, – короче говоря, самой собой.

– Да, стиль явно не ваш, – вздохнула Розали. – Цвет выбран неправильно. Нужны более смелые тона.

– Тебе ведь известно, зачем мне неожиданно потребовалось стать похожей на Викторию? – Кейт не сомневалась, что Черридерри не поленился подняться наверх вслед за госпожой, устроился под дверью и подслушал каждое слово.

Розали строго поджала губы:

– Надеюсь, не случилось ничего такого, о чем мне не следует знать.

– Марианна приказала мне отправиться с визитом в замок Поумрой и выдать себя за Викторию.

Взгляды служанки и госпожи встретились в зеркале.

– Ничего не получится, – заключила Кейт. – Для такого фокуса Виктория слишком красивая.

– Вы тоже красивая, – твердо заявила горничная, – но только по-другому.

– Рот слишком большой, да и похудела совсем... с чего бы это?

– С чего? После смерти отца работаете за десятерых. Зато мисс Виктория, благослови Господь ее душу, пухлая и мягкая как подушка. Вот уж кому действительно не с чего худеть.

Кейт посмотрела на оборки на груди – вернее, на том месте, где у женщин обычно бывает грудь.

– А нельзя сделать меня попышнее? В этом платье я выгляжу совсем плоской.

Розали поправила кружева.

– Не волнуйтесь, мисс Кейт, у вас очень милый бюст, хотя и небольшой. Боюсь, в этом платье добавить уже ничего нельзя, но я подберу другие, более подходящие по фасону. Слава Богу, у мисс Виктории столько нарядов, сколько модистка и за год не сошьет.

Впрочем, задумавшись лишь на миг, горничная взяла два чулка, аккуратно скатала и засунула Кейт под корсаж. Таким простым способом проблема была решена.

Кейт с горечью смотрела в зеркало. Странно, что при похожих чертах лица она совсем не напоминала Викторию. Наверное, все дело в возрасте: что ни говори, а пять лет разницы не шутка. Завитая, накрашенная, в нелепом розовом платье она выглядела отчаявшейся старрой девой.

Паника оказалась чувством новым и при этом далеко не радостным. Уже много лет Кейт не имела возможности одеваться прилично и совсем забыла о возрасте. И вот неожиданно выяснилось, что молодость стремительно и безвозвратно проходит.

Через несколько месяцев ей исполнится двадцать четыре. Старуха.

Почему же она не заметила, что изменилась, утратила мягкую округлость форм, очарование и привлекательность? Когда горечь и разочарование успели проникнуть в кровь и превратить ее из молодой симпатичной девушки в странное существо с неопределенной внешностью?

– Нет, ничего не получится, – печально заключила Кейт. – Разве можно принять меня за прелестную дебютантку, восхитившую общество своей красотой?

– Главное – правильно подобрать наряд, – успокоила ее Розали. – Да, в этом платье вы действительно выглядите не самым лучшим образом, мисс, но я обязательно найду что-нибудь другое, и все будет в порядке.

Кейт ничего не оставалось, кроме как молча кивнуть. Она думала...

Нет, она мало об этом думала. И все-таки твердо знала, что хочет выйти замуж и родить собственных детей.

Внезапно ее захлестнула волна страха: а что, если уже поздно, что, если никогда?..

Кейт не позволила себе закончить мысль.

Она вытерпит этот визит ради Виктории, неожиданно обретенной сестры. А потом уедет в Лондон и постарается превратить мамино приданое в брачную лицензию.

Женщины занимались этим всегда – с момента сотворения мира. Может, и у нее получится?

Кейт расправила плечи. После смерти отца пришлось познать настоящее унижение: встретив знакомых, прятать руки, чтобы никто не увидел покрасневших от холода пальцев; держать ноги поближе к лошадиному боку, чтобы не бросались в глаза поношенные башмаки; раз за разом притворяться, что забыла дома шляпу.

И вот теперь предстояло выдержать новое испытание: одеться юной девушкой, чувствуя себя при этом старой девой, синим чулком. Ничего, она справится и с этой нелегкой задачей.

Глава 5

Несколько часов спустя, безнадежно измученная, Кейт наконец-то вернулась в свою комнату. Она встала в пять утра и три часа кряду не поднимала головы от бухгалтерских книг, а в восемь села верхом и отправилась проверять, как обстоят дела в поместье. Неожиданные откровения и внезапные открытия тоже не прошли даром. За обедом Марианна грубила даже будущему зятю, а Виктория все время плакала.

И вот теперь ее ждали собаки. «Крысы» уселись полукругом и дружно уставились на дверь.

В этом сезоне самым модным аксессуаром считалась маленькая собачка. Ну а Виктория и Марианна, твердо верившие, что двадцать три бальных платья в двадцать три раза лучше одного, купили не одну собачку, а сразу трех.

Трех крохотных, пронзительно тявкающих, шелковистых мальтийцев.

Они были абсурдно малы – меньше кошки. Блестящая шерсть элегантно лоснилась, но Кейт этот неестественный, вычурный блеск казался отвратительным. Уж если заводить собаку, то большую, лохматую и лопоухую – похожую на тех, которые выбегали навстречу из деревенских дворов и радостно улыбались госте. Таковую, чтобы не тявкала, а лаяла всерьез, по-настоящему.

Впрочем, сейчас эти отвратительные создания не тявкали. Как только Кейт вошла, все трое сразу встали и, помахивая пушистыми хвостами, облепили ноги горячим кольцом. Наверное, они страдали от одиночества, ведь до укуса Виктория не отпускала их от себя ни на шаг. Может быть, хотели есть? Или, чего доброго, мечтали поскорее выйти в сад? Ах, если бы в комнате был звонок... но людям ее положения не пристало тревожить слуг. Кейт подумала о лестнице, об уставших за день ногах и вздохнула. Делать нечего, придется потерпеть еще немного.

– Наверное, ребята, нам пора прогуляться.

Хорошо, что собаки оказались терпеливыми и не сделали на полу ни одной лужи. Комнатка была невероятно маленькой, а окно располагалось так высоко, что запах не выветрился бы и за месяц.

Несколько минут ушло на то, чтобы прицепить к украшенным драгоценными камнями ошейникам поводки. При этом тройца принялась истошно тявкать, прыгать и лизать лицо – увернуться от ласк оказалось нелегко.

Кейт зашагала вниз по черной лестнице – единственной, которая вела в ее комнату. Глухой звук шагов сопровождался стуком крохотных коготков по деревянным ступеням. Кейт устала настолько, что даже не смогла вспомнить имена новых подопечных. Кажется, что-то цветочное. Может быть, Фиалка, Маргаритка и Колокольчик? Нет, непохоже. Наверное, как-то по-другому.

– Что они едят? – спросила она Черридерри.

Дворецкий проникся искренним сочувствием: вышел в сад и показал госпоже участок, специально выделенный для собачьих нужд.

– Примерно час назад я направил в вашу комнату Ричарда. Он покормил собак и вывел на прогулку. Не могу сказать, что эти существа мне глубоко симпатичны, но должен признать, что они не злы и не агрессивны. Да и в неприятном происшествии не виноваты.

В эту минуту все трое зачем-то залезли друг на друга и образовали странную кучу, из которой торчали острые носы и пушистые хвосты.

– Цезарь вовсе не собирался кусать мисс Викторию, – продолжил Черридерри, – так что не волнуйтесь, вас он не тронет.

– Цезарь? А мне почему-то казалось, что у них цветочные имена.

– В этом-то и заключается одна из главных проблем, – пояснил дворецкий. – Мисс Виктория так и не смогла окончательно выбрать имена. Каждую неделю придумывала новые. Сначала собак звали Фердинанд, Фелисити и Фредерик. Сейчас – Цезарь, Коко и Честер, а недавно это были Мопси, Мария и... третьего не помню. Видите того, который немного крупнее остальных? Это и есть Цезарь. А двое других – Коко и Честер, хотя Честер так и не научился откликаться на новое имя. Признает только Фредерик или Фредди.

– Так почему же Цезарь укусил Викторию? Я до сих пор не знаю.

– Она кормила его изо рта.

– Что?

– Зажала в губах кусочек мяса и хотела, чтобы он осторожно взял. Опасная ошибка – вставать между собакой и мясом.

Кейт вздрогнула.

– Отвратительно!

– Во всем виновата принцесса Шарлотта: это она придумала кормить собак изо рта.

– А что с ними делать ночью? – с тоской спросила Кейт, мечтая лишь об одном – упасть на кровать и уснуть.

– Обращайтесь так, как положено обращаться с собаками: уважительно, но твердо. Ошибка мисс Виктории заключалась в том, что она принимала их за детей, а когда раздражалась, то отправляла в кухню. Поэтому они и не научились себя вести. Я вам дам пакетик с сырными обрезками. Угощайте всякий раз, как только приказ будет исполнен, и дисциплина не пострадает.

Вернувшись к себе, Кейт вскоре обнаружила, что каждая из собак обладает собственной ярко выраженной индивидуальностью. Цезарь отличался умом и сообразительностью, к тому же явно считал себя большим и сильным: рычал, скалился и грозил напасть на каждого, кто входил в комнату. Имя очень ему подходило: пес действительно напоминал отважного полководца.

Фредерик страдал от одиночества и искал ласки – во всяком случае, так казалось в тот момент, когда он запрыгнул на кровать и, отчаянно виляя хвостом, принялся лизать Кейт колени, а в довершение умоляюще заглянул в глаза, перекатился на спину и задрал лапы. Одним словом, пес оказался глупым – никакой не Фредерик, а самый настоящий Фредди.

Коко проявила небывалое тщеславие. Виктория приклеила ей на шерстку маленькие драгоценные камешки – наподобие блестящего воротника. Вместо того чтобы попытаться отодрать посторонние предметы, как сделала бы всякая уважающая себя собака, Коко сидела, гордо подняв голову и задрав нос. Кровать ничуть ее не заинтересовала, зато сразу привлекла бархатная подушка, появившаяся в углу рядом с миской для воды.

Кейт вытащила Фредди из постели и бросила на пол, однако он тут же прыгнул обратно и победил: сил для того, чтобы сражаться и отстаивать принципы, не осталось.

Она лежала неподвижно и думала об отце. Как он мог? Как мог обмануть ее? Наверное, любил Марианну, иначе не женился бы сразу после смерти мамы.

Хорошо, что дебютировать в свете ей так и не довелось. Бомонд представлялся загадочным миром, однако в одном сомневаться не приходилось: никто не захотел бы общаться с молодой леди, чьей мачехой стала женщина легкого поведения, пусть даже и сумевшая выйти замуж за своего покровителя.

И все же Марианна без смущения отправилась в Лондон, по-хозяйски ворвалась в особняк отца и представила Викторию в качестве красивой и очень богатой наследницы.

Да, полезный урок, сонно подумала Кейт.

Глава 6

Следующим утром

Французский парикмахер и лондонские доктора прибыли одновременно: первый для того, чтобы остричь длинные густые волосы Кейт, а второй и третий – чтобы вскрыть нарыв на губе Виктории. Но от процедур сестры единодушно отказались. Марианна впала в истерику, принялась кричать, как рыночная торговка, и размахивать над головой сигаретой.

Однако накануне вечером Кейт посоветовалась с горничной и решила до конца отстаивать собственную позицию. Она трезво оценивала ситуацию, понимала, что не молодеет, и единственным своим украшением считала пышные золотистые локоны. К тому же она с горечью сознавала, что выглядит очень худой, почти изможденной, и опасалась, что без роскошной копны на голове вряд ли сможет привлечь благосклонное внимание окружающих.

– Ни за что! – категорично отрезала она, стараясь говорить громче, чтобы заглушить рыдания Виктории.

Странно, но отказ вовсе не был для Кейт типичным образцом поведения. На протяжении последних семи лет ей приходилось то и дело вступать в отчаянные схватки с мачехой – например, когда та уволила опытного эконома и возложила на падчерицу обязанность закупать все необходимые продукты; когда прогнала управляющего помещьем и швырнула хозяйственные книги, заставив по ночам заниматься сложными подсчетами. Но при этом Кейт ни разу не отказалась выполнить приказ: покорно приняла счета и гроссбухи, покорно попрощалась с любимой гувернанткой, с надежными горничными, с управляющим и экономом.

По иронии судьбы виной всему, по-видимому, было тщеславие, заставлявшее Кейт брать на себя решение нелегких задач и справляться с любыми, даже самыми сложными, поручениями.

– Не буду стричься, – повторила Кейт с несвойственным ей упрямством.

Месье Бернье всплеснул руками и с ужасающим французским акцентом воскликнул, что с модной стрижкой мадемуазель сразу помолодеет на десять лет, а каждый год для нее – драгоценное приобретение.

Еще один удар по самолюбию.

– Благодарю за ваше мнение, месье, однако менять принятое решение не намерена.

– Ты все, все испортишь! – Казалось, Марианна сходила с ума от разочарования и злости. – Погубишь сестру! Она не сможет выйти замуж и родит ребенка вне брачных уз!

Кейт заметила, что глаза парикмахера изумленно расширились, и посмотрела на него так, как научилась смотреть за семь лет управления помещьем. Взгляд подействовал мгновенно: месье Бернье смущенно заморгал.

– Ничего страшного, мама, – всхлипнула Виктория. – Кейт просто возьмет с собой мои парики. Конечно, в них очень жарко, но несколько дней можно и потерпеть.

– Парики, – ошеломленно повторила Марианна и выпустила в воздух кольцо дыма.

– Их у меня не меньше дюжины: все разных цветов, в тон платьев, – продолжала Виктория. – Если Розали будет каждое утро туго заплетать волосы, а косы закалывать, то парики отлично подойдут. Все решат, что мне нравится регулярно менять внешность.

– Возможно, – согласилась Марианна и снова глубоко затянулась.

– Дам тебе даже самый модный, черкесский, – пообещала Виктория, и Кейт поморщилась. – Что ты, он очень красивый! Такой элегантный, светло-голубой, прекрасно гармонирует с синими и зелеными платьями. А к нему прилагается украшенная драгоценными камнями лента – чтобы крепче держался на голове.

– Вот и славно, – заключила Марианна. – А теперь, дочка, доктора вскроют твою губу, и чтобы больше я вас обеих не видела и не слышала!

Виктория кричала и плакала, однако эскулапам все-таки удалось довести операцию до победного конца.

В итоге Марианна слегла с острым приступом мигрени. Виктория слегла, ослабев от рыданий. Кейт надела на собак поводки и отправилась в деревню – навестить вдову Крэбтри.

Глава 7

Замок Поумрой

– Так что же все-таки случилось со львом? – Гейбриел быстро шагнул по двору, направляясь к дальней стене замка, где расположился домашний зверинец.

– Понятия не имею, – пожал плечами Бервик. – С утра страдает.

– Бедный старик, – вздохнул принц, подойдя к клетке.

Царь зверей беспомощно лежал в углу и тяжело, мучительно дышал. Он появился в замке всего лишь несколько месяцев назад, полный сил и энергии, готовый наброситься на любого, кто утратит осторожность. А сейчас глаза слезились, голова едва держалась. Несчастное животное испытывало жестокие страдания. Если бы это была лошадь...

– Он слишком молод, чтобы умереть. – Бервик словно услышал мысли господина.

– Огастас сказал, что больше года не протянет.

– Герцог хотел сбить зверинец с рук, потому и преувеличил возраст льва. А на самом деле ему всего-то пять лет. Еще жить и жить.

– А как чувствуют себя остальные? – Гейбриел подошел к клетке слониhi.

Лисса мирно покачивала хоботом. Она вообще отличалась дружелюбным нравом: вот и сейчас приветливо протянула хозяину пучок соломы.

– Что здесь делает обезьяна? – удивился принц.

– Они подружились во время морского путешествия, – пояснил дворецкий, – и теперь почти не расстаются. Вместе веселее.

Гейбриел подошел ближе и внимательно посмотрел на маленького юркого зверька.

– Понятия не имею, что за порода. А ты не знаешь?

– Насколько могу судить, это существо называют карманной обезьяной. Герцогу ее подарил какой-то паша.

– Понятно. А слониhiу презентовать индийский раджа, так ведь? Что за ужасная манера – дарить животных? Дышать нечем!

Бервик шумно втянул носом воздух.

– Это точно. Можно переселить их подальше – например, за живую изгородь.

– Нет, там Лисса будет страдать от одиночества. Она любит общество. Нельзя ли хотя бы изредка выпускать ее из клетки?

– Пожалуй, имеет смысл построить в саду просторный вольер, – предложил Бервик.

Гейбриел долго смотрел на странную пару. Обезьянка сидела на голове слониhi и крохотными сморщенными ручками нежно поглаживала огромное ухо.

– Тебе еще не удалось найти работника, знающего толк в уходе за дикими животными?

– Пока нет, – покачал головой дворецкий. – Я пытался переманить человека из цирка Питермана, но он так и не захотел расстаться со своими львами.

– Нет уж, извини. Взять к себе львов Питермана мы не можем. Нам и своего хищника хватает! – Гейбриел вернулся к первой клетке. – Что же с ним все-таки случилось?

– Князь Фердинанд предположил, что зверь привык питаться человеческим мясом. Впрочем, не думаю, что авторитетное мнение вашего дядюшки следует принимать в качестве руководства к действию.

– А чем несчастного кормят у нас?

– Бифштексами, – ответил Бервик. – Причем лучшего качества.

– Может, диета слишком жирная? А что ест сам дядюшка после дурно проведенной ночи?

– Суп.

– Значит, накорми льва супом.

Бервик вскинул брови, однако кивнул.

– Да, кстати, а где сейчас князь Фердинанд?

– Сегодня утром его светлость решил поработать над битвой при Креси. Экспроприировал свинарник, который сейчас, к счастью, свободен от постояльцев, и устроил там имперский военный музей. Полсотни молочных бидонов изображают различные полки. Выставка пользуется огромным успехом у деревенских ребятишек.

– Думаю, он счастлив, – заключил Гейбриел. – Полагаю...

Договорить принц не успел, так как во дворе появился весьма высокий, крайне худой джентльмен и неспешно направился в сторону зверинца. Седые взлохмаченные волосы торчали на голове, как пух на макушке чертополоха, и при каждом шаге слегка покачивались.

– Не упоминай дьявола, чтобы не появился, – любезно приветствовал Гейбриел и поклонился.

– Взаимно, мой мальчик, – невозмутимо отозвался князь Фердинанд. – Взаимно. Ты, случайно, не встречал моего бедного пса?

Бервик слегка отступил и из-за плеча господина негромко произнес:

– Существует предположение, что его съел лев.

– Целиком, вместе с шерстью и когтями?

– Это вполне объясняет нынешнее состояние хищника.

– Нет, вашу собаку я не видел, – в свою очередь, отозвался Гейбриел.

– Не далее как вчера Бруно съел целую тарелку диких яблок. Соленых диких яблок, – сообщил князь Фердинанд со слезами на глазах. – Кормлю его исключительно соленьями и маринадами – считаю, что такая диета способствует пищеварению.

Вполне возможно, соленые яблоки не пошли на пользу собаке и – соответственно – льву.

– Может, Бруно спасся бегством? – Гейбриел повернулся и посмотрел на массивную арку, отделявшую хозяйственный двор от парадного. – Что, если он не оценил диетических изысков?

– Мой пес обожает соленья, – горделиво поведал дядюшка. – Особенно ему нравятся соленые помидоры.

– В следующий раз попробуйте соленую рыбу.

Краем глаза Гейбриел заметил опасное приближение двух тетушек. Обе игриво улыбались и многозначительно кивали. Он совершил молниеносный маневр и поспешил к замку, по пути едва не сбив с ног младшего сына кухарки. Принц бегом взлетел по лестнице и вскоре благополучно скрылся в своей комнате. Слава Богу, на этот раз пронесло!

Жить в огромном замке, конечно, было прекрасно, но это свободное пространство неуклонно заполнялось обитателями. Все эти жильцы так или иначе принадлежали Гейбриелу и полностью от него зависели: его родственники, его лев, его слониха, его слуги... и даже обожающий соленья пес требовал заботы, хотя, вполне возможно, уже взирал на земную суету с небес, причем с благодарностью за то, что ее покинул.

– Пожалуй, возьму ружье и прогуляюсь по лесу, постреляю птиц, – обратился принц к своему камердинеру, угрюмому человеку по фамилии Поул, которого великий герцог удалил из дворца за излишнюю осведомленность.

– Отлично, – отозвался Поул и тут же достал из огромного шкафа костюм для верховой езды: куртку и бриджи. – Свежий воздух и движение пойдут юному Альфреду на пользу. Мистер Бервик обучает его по французской системе, но пока дело идет не очень успешно. Полагаю, беготня за птицами придется щенку по душе.

– Согласен.

– Позвольте предложить вам пригласить с собой distinguished Бекингем-Тулуза. – Поул достал свежие чулки и положил на кровать строго параллельно бриджам.

– Это еще кто такой?

– Джентльмен прибыл вчера с рекомендательной запиской от принцессы Шарлотты. По протоколу вашему высочеству предстояло познакомиться с ним сегодня вечером, однако в связи с грядущим приездом племянника, лорда Димсдейла, ужин пройдет в семейном кругу, так что было бы полезно поприветствовать гостя сейчас.

– И что же представляет собой этот... Тулуз?

– Насколько могу судить, весьма склонен к проповедничеству.

– О, только не это! – горячо воскликнул Гейбриел. – Двор брата кишит религиозными фанатиками разнообразного толка и калибра! Не хватает еще, чтобы они расплодились и на моей территории! Учти, это не в твоих интересах, Поул. Если последую примеру герцога, то вы со львом немедленно окажетесь на улице.

Камердинер отстраненно улыбнулся, как будто услышал крайне неприличную шутку.

– Полагаю, ваше высочество не поддастся влиянию странствующего проповедника, как это случилось с его высочеством великим герцогом Огастасом. Мистер Тулуз специализируется в определенном амплуа: я уже предупредил молодых горничных, чтобы держались подальше от восточного крыла. Джентльмен обладает чрезвычайно привлекательными манерами, а сегодня утром уже пытался применить свой боевой арсенал в отношении княгини Марии Терезы, но, судя по всему, не преуспел.

Гейбриел представил шестидесятилетнюю тетушку – непоколебимую и крепкую, как немецкое военно-морское судно.

– Думаю, ты прав, – согласился он. – Так что же понадобилось мистеру Тулузу в моем доме?

– Могу предположить, что к сельской жизни джентльмена склонили бесчисленные лондонские долги, – пожал плечами всезнающий камердинер. – Чулки его чрезвычайно интересны: ярко-оранжевые, со стрелками, а сюртук стоит дороже изумруда средних размеров.

Если Поул что-то сказал, значит, так оно и было на самом деле, потому что в изумрудах он разбирался отлично.

– Хорошо, – подытожил Гейбриел. – Передай Бервику, что я в оружейной, а Тулузу отправь официальное приглашение принять участие в охоте. Думаю, дядюшка Фердинанд тоже не откажется составить компанию.

Принц спустился в просторную комнату, где хранились разнообразные мужские игрушки, и с увлечением занялся чисткой своего любимого охотничьего ружья. Испытанный «хаас» служил верой и правдой: единственное духовое оружие с семью нарезными пазами, которые позволяли мгновенно переключиться с оленя на фазана. Произведение немецких мастеров воплощало все, чего так не хватало в жизни: красоту, свободу, законченность. Принц никогда не охотился на более серьезную дичь, чем птицы и кролики, но данное обстоятельство вовсе не отменяло поклонения перед безупречностью «хааса», на отполированном стволе которого красовался искусно выгравированный герб герцогства Уорл-Марбург-Баа-сфельд.

А если говорить точнее, герб старшего брата.

В глубине души шевельнулось чувство облегчения, знакомое так же хорошо, как утренняя щетина на щеках. Гейбриел давным-давно понял, что участь простого принца устраивает его куда больше помпезного, но хлопотного титула великого герцога.

Младший брат считал старшего скучной сухой палкой, но в то же время не мог его не жалеть. Править небольшим государством – задача не из легких, особенно если учесть

гонор и тщеславие трех средних братьев, каждый из которых считал себя вполне достойным короны.

Ну а если не короны, то по крайней мере богатой и знатной невесты. Не далее как вчера пришло письмо, в котором один из приятелей сообщал, что Руперт, самый красивый из великолепной пятерки, безудержно заигрывает с сестрой Наполеона.

Гейбриел нахмурился и обиженно поджал губы. Это только из-за Огастаса он здесь. Если бы несколько месяцев назад герцог окончательно не сошел с ума, то он, Гейбриел, сейчас был бы в Тунисе на раскопках Карфагена.

Да, жил бы полной жизнью, а не сидел здесь, в насквозь промокшем замке, в окружении престарелых родственников и погрязших в долгах придворных. Парился бы на южном солнце и бдительно следил, чтобы раскопки не превратились в алчное растаскивание истории.

В глубокой задумчивости Гейбриел с такой силой тер и без того блестящий ствол, что едва не уничтожил знаменитый герцогский герб.

К черту Огастаса с его бредовыми идеями! Гейбриел уже упаковал чемоданы и собрался отправиться в Тунис, когда религиозный пыл брата разгорелся ярким пламенем и побудил великого герцога удалить от своего двора каждого, кого правитель считал безнравственным, немощным, неловким или сумасшедшим.

Иными словами, практически всех до одного – ради спасения лицемерной душонки самого Огастаса.

Средние братья отказались вступить: кто-то из страха утратить расположение властителя, а кто-то (как Руперт) из-за обычного равнодушия.

А так ему внезапно пришлось оказаться перед нелегким выбором: поселиться в забытом Богом старинном английском замке, без труда вмещавшем всех, кого великий герцог счел недостойными блестящего дворца, или уехать в Тунис и впредь не оглядываться.

Более того, он должен был теперь еще и жениться! Невеста из далекой России с богатым приданым должна была удержать замок от неминуемого разрушения. Замок, который был заполнен чудаками, неудачниками и просто сомнительными личностями – вместо добытых на захватывающих археологических раскопках обломков статуй, черепков и прочих чудес, которые давным-давно, в прошлом тысячелетии, составляли всемирную славу и непревзойденное величие древнего государства под названием Карфаген.

Сам он не верил в Карфаген. Собственно говоря, потому и рвался на раскопки, что сомневался в существовании Дидоны, легендарной царицы, да и самого великого города. Все это не более чем красивые сказки, выдуманные Вергилием.

И вот теперь Биггитстиф сидит на месте раскопок и методично наклеивает на каждую из находок ярлычок с заветным словом «Карфаген». Черт возьми, наверное, уже успел обнаружить даже погребальный костер Дидоны. Дальше пойдут артефакты, убедительно подтверждающие небрежные предположения и неряшливую работу. Гейбриел презрительно сжал губы.

Но выбора у него все равно не было. А раз Гейбриел занял место Огастаса, то и отказаться от женитьбы не мог.

Да и ему было глубоко безразлично, на ком жениться: главное, чтобы супруга проявила здравомыслие и желание заняться хозяйством. Ну а если к тому же окажется красивой и обаятельной... что ж, тоже неплохо.

Принц снова склонился над любимым ружьем.

Глава 8

Проведя четыре часа в карете наедине с лордом Димсдейлом, Кейт решила, что самое интересное в спутнике – это корсет. До поездки она даже не подозревала, что мужчины тоже носят корсеты.

– Ужасно давит, – пожаловался Алджернон. – Но ничего не поделаешь: чтобы быть красивым, надо страдать. Так, во всяком случае, говорит мой камердинер.

Кейт ненавидела страдания и искренне радовалась тому обстоятельству, что портнихи не успели ушить дорожный костюм Виктории до состояния безупречной элегантности. Сейчас он свободно и удобно болтался на ней, не сковывая движений.

– Даже подкладки не помогают, – раздраженно признался Алджернон.

– А где у вас подкладки? – уточнила Кейт. Впрочем, можно было и не спрашивать: одного взгляда на неестественно раздутую грудь оказалось достаточно.

– Сейчас все костюмы шьют с подкладками, – пояснил лорд Димсдейл, уклоняясь от ответа. – Я не стал бы обсуждать с вами столь интимные подробности, не будь вы родственницей. Ну или почти родственницей. Не возражаете, если уже сейчас начну называть вас Викторией? Я плохо запоминаю имена и боюсь оконфузиться в обществе.

– Ничуть не возражаю, – заверила Кейт. – А как обращается к вам сестра?

– О, она называет меня просто Эджи, – воодушевился лорд Димсдейл. – Надеюсь, вы последуете ее примеру. Что мне особенно нравится в Виктории – так это простота и полное отсутствие церемоний. С первой же встречи она начала называть меня Алджерноном, а вскоре сократила имя до Эджи. Вот тогда-то я и понял, – таинственно добавил он.

– Что поняли?

– Понял, что мы с ней предназначены друг другу. Да, это судьба. И она, и я сразу почувствовали удивительную близость и родство душ.

Кейт придерживалась несколько иного мнения: удивительная близость свидетельствовала не о предназначении свыше, а всего лишь о дурном воспитании и предосудительном отсутствии дуэньи. Очаровательная интимная простота Виктории – как на словах, так и на деле – стала возможной лишь при попустительстве матери; вероятнее всего, вполне сознательном. Не исключено даже, что Марианна намеренно поощряла разного рода неприличные вольности.

Сама Кейт скорее наложила бы на себя руки, чем вышла замуж за Эджи, однако обожание Виктории вполне понимала. Молодой человек излучал доброту и душевное тепло, которых так не хватало в постоянном общении с расчетливой, черствой, эгоистичной Марианной.

– Скорее бы уже приехать в замок, – с трудом скрывая нетерпеливое раздражение, произнес лорд Димсдейл. Да, сидеть виконту было очень неудобно: даже воротник оказался настолько высоким и жестким, что натирал уши, – а вот Кейт уютно устроилась на подушках и наслаждалась приятным отдыхом. Обычно к этому времени дня она уже несколько часов проводила верхом.

– Встреча с дядей не внушает беспокойства? – поинтересовалась она.

– Вот еще! Приехал из какого-то захолустья, которое высокомерно называется великим герцогством, хотя здесь, в Англии, считалось бы просто маленьким графством. Разве это государство? Смешно! Непонятно, с какой стати он вообще носит титул.

– На континенте, кажется, существует немало небольших княжеств, – неуверенно предположила Кейт. Газет Марианна не выписывала, так что познания о мире приходилось черпать из книг, тайком позаимствованных из отцовской библиотеки. Впрочем, пустот на полках мачеха даже не замечала.

– Я надеялся, что представлю вас и уже утром можно будет уехать, однако принц требует, чтобы вы непременно остались на бал, – в письме он особенно это подчеркивает. Наверное, боится, что гостей окажется недостаточно. – Он повернулся и посмотрел Кейт в глаза. – Матушка считает, что дядя намерен за вами поухаживать.

– Нет, не за мной, – уточнила Кейт, – а за моей единокровной сестрой.

– Да уж, история достойна мелодрамы, – мрачно заметил лорд Димсдейл. – Должен признаться, что искренне верил в существование полковника. Ну а вчера вечером миссис Долтри сообщила правду. Глядя на нее, ни за что не заподозришь подвоха. Если матушка узнает об истинном происхождении моей невесты, свадьбе не бывать.

Кейт как раз считала, что внешность мачехи в полной мере соответствует нраву, однако возражать не стала, а подчинилась смутному чувству семейной солидарности и молча кивнула.

– Все не обязательно сообщать леди Димсдейл тайну рождения Виктории. Я, во всяком случае, не обмолвлюсь ни единым словом.

– Как бы там ни было, а я люблю ее и обязан жениться. Раз матушка требует благословения принца, значит, необходимо это благословение получить. И дело с концом.

Кейт одобритительно похлопала спутника по руке. Должно быть, расположить такое количество мыслей в логическом порядке было нелегко, и она искренне порадовалась успеху лорда Димсдейла. В то же время здоровый страх перед матерью вполне объяснял редкую покорность, с которой бедняга согласился жениться по первому же требованию Марианны.

– Должно быть, мы уже едем по землям принца, – предположил Алджернон после долгого молчания. – В Ланкашире у него невероятно обширные угодья. Брат моего отца считает неправильным, что родные английские просторы принадлежат иностранцу. Конечно, принц учился в Оксфорде и все такое, однако, что ни говори, чужая кровь в его венах присутствует.

– Равно как и в ваших, – вставила Кейт. – Вы ведь связаны с ним по материнской линии?

– Ну, матушка... – Лорд Димсдейл не договорил. Судя по всему, он считал себя чистокровным англичанином. – Вы понимаете, что я имею в виду.

– А вы когда-нибудь встречались с принцем?

– Раз-другой, еще в детстве. Какой он мне дядя? И старше-то всего лет на десять. С какой стати я должен тащить к нему свою невесту? Подумаешь, его высочество!

– Ничего, спектакль скоро закончится и жизнь войдет в нормальное русло, – успокоила Кейт.

– Принцу срочно нужны деньги, – сообщил лорд Димсдейл. – Говорят, ради приданого он обручился с...

Однако ценная информация утонула в оглушительном шуме. Возница внезапно закричал и дернул экипаж вправо, колеса отчаянно заскрежетали, собаки возмущенно затаивали. К счастью, карета остановилась, но не перевернулась, а второй экипаж, где ехали Розали, камердинер лорда Димсдейла и чемоданы, замер в нескольких дюймах от первого.

Алджернон одернул слегка задравшийся жилет.

– Посмотрю, что произошло. Дело мужское. – Выглядел он при этом на все свои восемнадцать лет, ни днем старше. – А вы оставайтесь здесь, в безопасности. Скорее всего сломалась ось. Ну или еще что-нибудь в этом роде.

Кейт позволила джентльмену выйти первым, а потом поправила дорожную шляпку и спустилась следом.

Возница без особого успеха пытался успокоить лошадей, в то время как лорд Димсдейл согнулся до земли в низжайшем поклоне.

Неподалеку на огромном гнедом жеребце сидел человек, который не мог быть никем иным, кроме как самим принцем. Впрочем, против солнца удавалось рассмотреть лишь тем-

ный силуэт, и силуэт этот оставлял впечатление силы, но не опасной, а сдержанной, подчиненной разуму и воле.

Кейт прикрыла глаза ладонью как раз в ту секунду, когда всадник легко спрыгнул на землю. Темные волосы до плеч делали его похожим на актера, собравшегося предстать в образе то ли короля Ричарда III, то ли Макбета.

Впрочем, спустя мгновение стало ясно, что принц похож не столько на Макбета, сколько на Оберона, короля фей, – в первую очередь благодаря широко поставленным, чуть раскосым, с экзотическим блеском глазам. Должно быть, сказывалась та самая «чужая кровь», о которой высокомерно рассуждал Элджи.

К тому же говорил он с легким, но заметным акцентом, удивительно гармонизировавшим и с густыми длинными волосами, и с яркими глазами. Было в этом человеке что-то необыкновенное: живое, дерзкое и горячее, – незаметное в тех бледных и скучных англичанах, которых доводилось встречать каждый день.

Кейт поняла, что рассматривает незнакомца в упор, и поспешила отвести взгляд. К счастью, пока принц ее не заметил.

Должно быть, он давно привык находиться в центре внимания и принимать поклонение подданных, а потому весьма снисходительно кивнул согнувшемуся в три погибели юнцу. Свита тоже спешила и обступила господина плотным кольцом. Джентльмен слева в точности соответствовал представлению Кейт о придворных: завитой, напوماженный и пестрый как павлин. Был здесь даже паж в красной с золотом ливрее. В целом компания напоминала группу охотников. Королевская охота, иначе и не скажешь.

И вот наконец принц обратил внимание на путешественницу.

Окинул холодным взглядом, словно молочницу на обочине дороги. В темных глазах не промелькнула даже искра интереса – лишь трезвый расчет, словно она хотела продать молоко, а ему это молоко показалось кислым. Судя по выражению лица, грозный владыка мысленно снял с нее слишком тяжелый, громоздкий дорожный костюм и теперь рассматривал засунутые в корсет свернутые чулки.

Кейт слегка склонила голову. Пусть не надеется, что она присядет в глубоком реверансе прямо здесь, на пыльной дороге, да еще перед принцем, для которого важность собственной персоны значила больше, чем хорошие манеры.

Он не произнес ни слова. Не кивнул, не улыбнулся, а просто отвел взгляд, повернулся к лошади, запрыгнул в седло и уехал. Спина его высочества оказалась шире, чем можно было представить. Шире, чем у деревенского кузнеца, шире, чем...

Кейт в жизни не встречала подобной грубости, в том числе и от кузнеца, который нередко оказывался пьяным, а потому имел убедительное оправдание.

Элджи тем временем сообразил, что произошло, и принялся командовать возницей.

– Принц не виноват в том, что наши лошади испугались неожиданной встречи. Быстрее выезжай на дорогу и продолжай путь!

– Цезарь! – позвала Кейт. Песик прилежно облаивал пристяжную, которой ничего не стоило убить его одним движением копыта. – Иди сюда!

Лорд Димсдейл подал знак лакею, однако Кейт тут же его остановила:

– Не надо. Цезарь должен научиться слушаться. – Она достала мешочек с сыром.

Фредди и Коко прижались к юбке, как жадные поросята. Кейт дала каждому по кусочку сыра, а вдобавок еще и погладила. Цезарь наконец-то понял, что упускает возможность подкрепиться.

– Иди сюда! – повторила Кейт.

Пес немедленно вернулся, и она протянула лакомство.

– Вот еще забота, – недовольно проворчал Элджи.

– Да, – согласилась Кейт и вздохнула.

– Но с вами они ведут себя намного спокойнее. Виктория слишком мягкосердечна. Подумать только, что случилось с ее губой!

Как только путешественники снова сели в карету, лорд Димсдейл благоговейно сообщил:

– Это был мой дядя, принц.

– Выглядит очень внушительно, – согласилась Кейт.

– Можете представить, что бы случилось, узнай его высочество о происхождении Виктории? – Мысль привела Алджернона в ужас.

– Интересно, какой окажется его собственная невеста?

Кейт вспомнила темный силуэт на фоне солнца. Этот необыкновенный человек мог жениться исключительно на сияющей драгоценностями принцессе из какой-нибудь далекой сказочной страны.

– У русских женщин темные волосы, – сообщил Элджи, стараясь сделать вид, что понимает, о чем говорит. – Конечно, можно было бы вас представить, но я подумал, что будет лучше, если принц не обратит на вас внимания, до тех пор пока... – Он неопределенно махнул рукой. – Ну, вы понимаете. Пока вы не изменитесь.

До этой минуты спутника ни капли не смущало то обстоятельство, что Кейт заметно уступала Виктории в красоте.

– Простите, – извинилась она.

– За что? – не понял Элджи.

– За то, что меня не так приятно показывать влиятельному родственнику, как вашу невесту. Принц наверняка сумел бы оценить ее красоту и очарование.

Лорд Димсдейл был слишком молод, чтобы притворяться, а потому признался:

– Конечно, очень жаль, что Виктории здесь нет. Но с другой стороны, так даже лучше. Вдруг она увидела бы принца и решила... – Он грустно умолк.

– Виктория в вас души не чаёт, – заверила Кейт, очень гордая тем обстоятельством, что сумела сдержаться и не добавить: «глупышка». Виктория и Элджи безупречно подходили друг другу: оба такие милые, такие чувствительные и такие... недалекие. – К тому же принц никогда в жизни не женится на девушке, в венах которой не течет голубая кровь. Уверена, что даже дочка герцога окажется для него простушкой, не говоря уже о моей сводной сестре.

Цезарь высунулся в окно и грозно зарычал на проезжающий экипаж.

– На пол! – строго приказала Кейт, и нарушитель спокойствия тут же послушно спрыгнул с сиденья и устроился в ногах. А вот Фредди встал на задние лапы, передние трогательно положил на колени новой хозяйки и тихонько заскулил. Пришлось позволить ему приютиться рядом. Песик преданно прижался крохотным тельцем, свернулся в клубок, закрыл глаза и замер.

– Несправедливо, – заметил Алджернон.

– А в жизни вообще нет места справедливости, – пожалла плечами Кейт. – Фредди награжден за то, что не лаял, не рычал, а вежливо попросил взять его к себе.

– Он удивительный, выдающийся, – неожиданно заключил Элджи.

Кейт с сомнением взглянула на Фредди: назвать это крохотное создание выдающимся можно было исключительно от большой любви.

– Я о принце. Матушка сказала, что его высочество успешно окончил Оксфорд и получил ученую степень – кажется, по античной истории. А я даже не потрудился поступить в университет.

Понятно. Значит, принц отличался не только высокомерием, голубой кровью, превосходно сшитым костюмом для верховой езды, но еще и мозгами?

Совсем не обязательно. Разве все эти королевские особы не отмечены признаками вырождения?

– Скорее всего принцы получают ученую степень лишь за то, что почтили университет своим присутствием, – возразила Кейт. – В конце концов, что могут сказать профессора? «Просим прощения, ваше высочество, но вы глупы, как ежик, а потому диплома не получите». Так, что ли?

Несколько оставшихся до замка миль мисс Долтри старательно взращивала в душе росток презрения к человеку, чьи волосы так романтично развевались на ветру. Да, он носился по лесу в окружении надушенных придворных и даже не потрудился по-человечески поздороваться.

Счел ее недостойной внимания, что само по себе казалось унижительным, но вовсе не неожиданным. Она и в самом деле не заслуживала его пристального взгляда.

Честно говоря, вспоминать о том, как он смотрел, оказалось очень занимательно. Оставалось протянуть несколько дней. А потом можно будет забрать перешитые платья и уехать в Лондон, чтобы найти своего человека, спутника жизни.

Она мысленно представила принца. Нет, такой герой ей не нужен. Скорее подошел бы кто-нибудь похожий на сквайра Мамлука, чьи угодья граничат с поместьем отца. Милейший человек, обожает жену и девятерых детей. Да, вот о каком муже она мечтает: о приличном, честном, благородном и очень-очень добром.

Кейт невольно улыбнулась, и неожиданная улыбка привлекла внимание спутника.

– А вы заметили жилет мистера Тулуза? Высокого джентльмена в полосатом костюме? – Алджернон явно сомневался в собственной безупречности.

– Ваш тоже очень хорош, – заверила Кейт.

Лорд Димсдейл посмотрел на свою неестественно выпяченную грудь.

– Мне тоже так казалось... вернее, кажется. Но его жилет...

Как выяснилось, обоим было о чем помечтать.

Глава 9

Кейт плохо разбиралась в архитектуре: скромные познания ограничивались гравюрами в отцовских книгах. Замок Поумрой представлялся ей скоплением волшебных башенок, ажурных решеток и сияющих на солнце розовых стен.

Вместо этого взору открылось массивное суровое строение, больше всего напоминавшее неприступное военное укрепление. Две громоздкие круглые башни лишь усиливали впечатление агрессивной мрачности. Ничего лиричного в характере замка найти не удалось: он хмуρο смотрел на пришельцев узкими окнами, как будто подозревал в злом умысле всех и каждого.

Экипаж покати́лся по засыпанной гравием дорожке, миновал приземистую каменную арку и въехал во двор. Дверь распахнулась. Кейт оперлась на руку одного из лакеев Марианны, который в путешествии исполнял обязанности грума, и спустилась по узкой откидной лесенке. Народу вокруг оказалось столько, что сразу захотелось наклониться и заглянуть под карету: неужели кого-то случайно задавили?

Люди сновали взад-вперед, очевидно, занятые какой-то важной работой. Вот запряженная осликом повозка, нагруженная мешками с предназначенным в стирку бельем, едва не налетела на человека с длинной палкой на плече, с которой свисало не меньше дюжины рыбин солидного размера. Он, конечно, направлялся на кухню. Следом спешил еще один, с корзиной, в которой копошились пушистые желтые цыплята. Двое мальчишек с огромными букетами роз с трудом избежали нежелательного купания: оставалось надеяться, что горничная выплеснула всего лишь грязную воду и ничего больше.

Лакеи в строгих элегантных ливреях быстро проводили гостей по вымощенному плитам внешнему двору, через арку, во двор внутренний, где царила совсем иная, спокойная и благопристойная, атмосфера. Казалось, замок яростно оборонялся от внешних врагов, но приветливо встречал гостей.

Последние лучи солнца золотили стекла окон и, подобно огням рампы, освещали обитателей, больше похожих на придворных великолепного французского двора: благородных, нарядных, раскованных.

Мрачный, настороженный, суровый с виду замок на самом деле оказался уютным, ярким, симпатичным и гостеприимным.

Кейт по-настоящему испугалась. Разве место здесь ей – самозванке, только что вышедшей из экипажа в чужом, дурно сидящем костюме? Кем она намерена притвориться?

Одного взгляда на Алджернона оказалось достаточно, чтобы понять: лорд Димсдейл тоже ощущает себя далеко не в родной тарелке. Оживленное общество элегантных, красивых, раскованных аристократов, непринужденно обращающихся друг к другу по-французски и по-немецки, превзошло самые смелые ожидания.

А ведь в скором времени испуганному молодому человеку предстояло стать ее родственником, мужем сестры.

– Выглядите просто замечательно, – постаралась поддержать будущего зятя Кейт. – Посмотрите, как старомодно одет вон тот джентльмен!

Честно говоря, она понятия не имела, что модно, а что старомодно, но в данном случае ошибиться было трудно. Означенный господин обходился вообще без воротника, в то время как у Алджернона воротников было целых три.

Лорд Димсдейл проследил за взглядом спутницы и заметно повеселел.

– О Господи! Что за пуговицы!

Гостей встретил любезный человек, представившийся мистером Бервиком, дворецким, и объявил, что лично покажет мисс Долтри и ее горничной отведенные им комнаты в западном крыле, а лакей проводит господина племянника и его камердинера в восточное крыло.

Он повел гостью по длинным пустым коридорам, освещенным прорубленными в толстых стенах узкими окнами, а затем через просторную комнату, украшенную старинным гобеленом с изображением двух рыцарей верхом на конях.

Кейт зачарованно смотрела по сторонам. Все вокруг казалось невероятно интересным и вызывало множество вопросов: например, каким образом удавалось отапливать замок зимой, если большинство окон до сих пор оставались незастекленными? И что случалось, когда сквозь эти стрельчатые щели захлестывал дождь? Наверняка подобное происходило нередко: у английской погоды свои законы. Кейт на миг остановилась и выглянула во двор. Выяснилось, что вдоль стены предусмотрительно выкопана дренажная канава для отвода воды. Сама же стена оказалась невероятно толстой: чтобы достать до противоположного края подоконника, не хватило и вытянутой руки.

Бервик учтиво замер в ожидании.

– Я изучила дренажную систему, – пояснила гостья.

– Чтобы уменьшить давление ветра, в окнах предусмотрен наклон, – сообщил дворецкий и пошел дальше. – Западное крыло прямо перед нами, а это главная галерея. Все комнаты расположены вдоль коридора. Ваша – предпоследняя слева. Я специально выбрал ту, которая выходит во внутренний двор, поскольку с противоположной стороны по ночам может быть прохладно – даже в такую мягкую погоду, как сейчас.

Вдоль галереи через равные промежутки располагались двери, по обеим сторонам украшенные лепными пилястрами. Кейт взглянула и рассмеялась: на каждом пилястре сидел херувим – толстенький, лукавый, весело улыбающийся. Со стены над ее дверью тоже смотрели двое: слева шаловливый мальчишка с цветами в волосах, а справа – строгий маленький священник с красивыми крылышками вместо шейного платка.

Кейт застыла посреди коридора и не сдвинулась с места до тех пор, пока не рассмотрела каждый из удивительных барельефов. Бервик ждал терпеливо, без тени раздражения.

– Как они здесь появились? – изумленно спросила гостья.

– Насколько мне известно, в начале шестнадцатого века старший сын четы Поумрой отправился в путешествие по Италии и увлекся творчеством итальянских скульпторов – настолько, что похитил одного из них и привез беднягу сюда. Мастер до такой степени обиделся на бесцеремонное похищение, что изобразил всех обитателей замка в виде херувимов, а когда закончил работу, сбежал в маслобойке и бесследно исчез.

– Молодой лорд сумел вывезти из Италии скульптора? – изумленно уточнила Кейт.

Бервик кивнул.

– Вот ваша комната, мисс Долтри. Пожалуйста, не стесняйтесь. Если потребуется помощь, сразу звоните.

Дворецкий любезно показал, где расположен шнурок звонка и как достать из-под высокой кровати хитроумно спрятанную оловянную ванну, окинул комнату критическим взглядом, серьезно посмотрел на розы в хрустальной вазе, словно убеждая цветы стоять как можно дольше, и с достоинством удалился.

– О, мисс! – воскликнула Розали. – Мы шли сюда целый час. А каменный пол такой холодный, что ноги замерзли даже в ботинках. Вот уж где я не хотела бы жить!

– Правда? – удивилась Кейт. – Зато как интересно! Словно попали в сказку!

– Нет, такие сказки не по мне, – продолжала ворчать горничная. – Зимой здесь, должно быть, ужасно сыро. Вот дотроньтесь до стены возле окна. Ух, до чего холодная! Наверное, во время дождя здесь пахнет плесенью. Нет ничего лучше нашего Ярроу-Хауса: деревянные панели на стенах, унитаз с канализацией. Унитаз мне очень нравится.

– Но для того чтобы построить этот замок, люди не боялись совершать преступления, – мечтательно заметила Кейт. – Интересно, какими были эти Поумрой? Я успела рассмотреть один портрет: у джентльмена был решительный подбородок, четко очерченный рот и орлиный нос. Может быть, именно он и похитил итальянского скульптора?

– Неправильный поступок, – осудила Розали. – Мне однажды довелось видеть итальянца – на ярмарке. Он был так мал, что действительно без особого труда уместился бы в маслбойке. Когда же лакеи принесут ваши чемоданы? В комнате такие большие шкафы, что, пожалуй, удастся развесить все платья мисс Виктории. Очень удобно.

Бервик оказался превосходным хозяином: не прошло и минуты, как в дверь постучали. На пороге возникла вереница лакеев. Они принесли багаж и горячую воду.

А вскоре Кейт с блаженным вздохом погрузилась в ванну. Уже много лет она не проводила дни так пассивно, как сегодня: положение падчерицы не позволяло отдыхать даже по воскресеньям и праздникам, – но почему-то путешествовать в карете оказалось не легче, чем весь день скакать верхом.

– Не хотелось бы вас торопить, мисс Кэтрин, – нарушила тишину Розали, – но мистер Бервик предупредил, что, как только прозвонит звонок, вам необходимо спуститься по всем этим лестницам и явиться в серебристую гостиную. Понятия не имею, где она находится, но думаю, что за дверью уже стоит слуга, готовый проводить. Честно говоря, волнуясь, подойдет ли это платье.

Кейт неохотно вылезла из ванны, но не позволила Розали ее вытереть.

– Я давно не ребенок и отлично справлюсь сама, – решительно заявила она, почти силой отнимая полотенце.

– Это неприлично, – отозвалась Розали, уступая с видимой неохотой.

– Но почему же? – возмутилась Кейт. – Почему леди не может сама вытереться? Если уж на то пошло, неприлично, когда к обнаженному телу прикасаются посторонние руки!

– Придется смириться, – мудро успокоила горничная. – Истинные леди никогда не вытираются сами. Это не обсуждается.

– Боже милостивый! – вздохнула Кейт. – Кажется, мне уже поздно мечтать о столь высоком звании. Без волшебной палочки ничего не получится.

– Вы и так леди, – убежденно провозгласила Розали. – Благородство у вас в крови.

Она заплела госпоже волосы, шпильками закрепила косы на затылке и надела кудрявый парик светло-сиреневого цвета, к которому прилагалась украшенная драгоценностями лента – чтобы крепче держался.

Платье нежного сливочного оттенка было щедро расшито жемчугом. В корсаж Розали вшила небольшие карманчики, куда вставила восковые пластины в форме конусов. Фигура сразу приобрела женственную выразительность.

– Неплохо! – сдержанно оценила Кейт, посмотрев на себя в зеркало.

– Неплохо? – обиделась Розали. – Просто чудесно, мисс. Настоящая красавица!

Кейт повернулась боком. Платье было собрано под четко очерченным бюстом (восковым) и мягкими волнами ниспадало на землю. Из-под подола выглядывали лишь кончики туфель, тоже расшитых жемчугом.

– С удовольствием обула бы вас в хрустальные башмачки, да они годятся только на один вечер, а сегодня всего лишь семейный обед, – проворчала Розали. – Вряд ли кому-нибудь придет в голову рассматривать туфли.

Кейт снова повернулась лицом к зеркалу и окинула собственное отражение критическим взором.

– Выгляжу совсем как мачеха, – наконец прозвучал строгий приговор.

– Ничего подобного!

– Как будто хочу казаться юной девушкой и изо всех сил пытаюсь молодиться.

– Но ведь вы... – Розали замолчала. – Вы вовсе не старая. Должны...

– Нет, – обреченно возразила Кейт. – Зачем себя обманывать? Особа не первой молодости. Ничего не имею против возраста, но притворяться не хочу. Понимаешь, о чем я? Мачеха пытается притвориться, что ей все еще тридцать.

– Напрасно себя оговариваете! – возмущенно запротестовала горничная. – Сколько вам, двадцать?

– Двадцать три, – печально ответила Кейт. – К тому же я очень устала. Наверное, найдутся особы моего возраста, которые с восторгом появились бы в этом наряде, но только не я. Я в нем выгляжу... отвратительно.

– Видите ли, мисс, – обиженно пояснила Розали, – портниха четыре часа подряд горбилась над этим платьем, а я собственными руками лепила восковые вкладки. Так уж будьте добры, уважьте.

Кейт быстро ее обняла.

– Понимаю, что веду себя неблагодарно, и прошу прощения. Какая, собственно, разница, что надеть? Мое дело – жеманно улыбаться принцу, чтобы он одобрил брак лорда Димсдейла с Викторией, и больше ничего.

– А еще отправиться на бал, – настойчиво напомнила горничная. – Я привезла целых три бальных платья, но еще не успела...

– Обсудим, когда придет время. – Кейт твердо отстаивала собственное мнение. Она уже окончательно решила, что на балу восковой груди не будет. Но зачем же заранее обрекать Розали на переживания и бессонную ночь?

Глава 10

– Днем видел золотое руно Димсдейла, – сообщил Гейбриел Бервику перед ужином. – Можно забыть о намерении обменять мое русское сокровище на его английскую драгоценность.

– Неужели? – Дворецкий поднял бровь. – Мне тоже довелось встретиться с вашей предполагаемой родственницей, и создалось впечатление, что молодая леди вполне способна поддаться чарам, пусть даже и не подкрепленным материальным изобилием.

Гейбриел криво усмехнулся:

– Не больно надо. Дядюшка едва не перевернул их экипаж: видите ли, услышал, как лает его собака. А на самом деле твякала свора какой-то мелочи размером с блоху. Богатая наследница оказалась такой же непривлекательной, как и ее шавки: костлявая, расфуфыренная, да и смотрит чересчур прямо. Мои стандарты, конечно, скромны, но отказываться от них я не собираюсь.

– А мне мисс Долтри понравилась, – задумчиво изрек Бервик. – Да и собак не свора, а всего-то три штуки, причем крохотных.

– Зато они из тех, что вертятся волчком и ловят собственный хвост. Наверное, и я делал бы то же самое, если бы пришлось проводить время рядом с ней. Смотрела на меня как на обанкротившегося банкира. Наверное, волосы не понравились.

Дворецкий усмехнулся:

– Ну вот, мы уже пришли к чему-то конкретному. Значит, не одобрила?

– Однозначно.

– И все-таки придется пережить рядом с ней ужин, потому что я приготовил мисс Долтри место справа от вас, а пересаживать никого не намерен. Вы будете ужинать в утренней гостиной, а все остальные – в столовой. Завтра приедут новые гости, так что придется накрывать столы в большом зале.

– Кажется, ты не возражаешь против непредвиденных хлопот? – Гейбриел с интересом взглянул на верного слугу, которого знал всю жизнь – с тех самых пор, когда оба еще были мальчишками.

– Я для этого создан.

– Что ж, рад, что смог обеспечить тебя подходящей территорией для приложения сил: работай сколько хочешь – все равно всех дел не переделаешь.

– Лучше порадитесь за себя, – покачал головой Бервик.

– Не вижу поводов для радости, – возразил Гейбриел. – Зато по праву горжусь тем, что избавил от твоего присутствия Огастаса.

– Великий герцог поступил не самым благородным образом, – сдержанно заметил Бервик и, налив себе бренди, аккуратно поставил бутылку на место. – Не всякий способен выкинуть собственных братьев из родного дома.

– Огастас предпочел бы забыть о том обстоятельстве, что наш отец разбросал по всему Марбургу бесчисленное количество фальшивых монет с изображением лица, как две капли воды похожего на его собственное.

– Я на Огастаса совсем не похож, – обиделся Бервик.

– А все потому, что он уродился в матушку, а нас с тобой угораздило повторить образ самого старого дьявола.

Мать Бервика была прачкой, а маменька Гейбриела – великой герцогиней, однако небольшая несоразмерность не беспокоила ни того ни другого. Родились они почти одновременно, а вскоре герцог забрал внебрачного ребенка наверх, в господские покои, и поселил в детской вместе с законными детьми, приходившимися мальчику единокровными братьями.

– Наш папочка был сильным мужчиной, – убежденно заметил Бервик. – Я всегда им восхищался.

– Считаешь, что мы видели его достаточно часто, чтобы иметь право судить? – уточнил Гейбриел. – Эй, поделись-ка бренди, братец.

Бервик наполнил еще один бокал и передал господину.

– Видели ровно столько, сколько нужно. Вот Огастас проводил рядом с отцом день за днем. Сами знаете, что с парнем случилось.

Да, не поспоришь. Гейбриел и Бервик не сомневались, что обоим крупно повезло: чем дальше от короны, тем лучше.

– Знаю, почему вы так много думаете о невесте Димсдейла. – Дворецкий многозначительно вскинул брови. – Нервничаете в ожидании своей суженой.

– Она выглядит самой настоящей мегерой, – признался Гейбриел, – и оттого я действительно разволновался: вдруг и Татьяна окажется такой же?

– Знаю, – кивнул Бервик. – Мечтаете о красивой и покорной.

– Можно подумать, сам ты ищешь что-нибудь иное, – парировал принц, уязвленный интонацией, с которой прозвучали последние слова.

– Вообще-то я не занимаюсь поисками жены, – пожал плечами дворецкий. – Но если бы искал, то какую угодно, только не покорную.

– Почему же?

– Скучно.

– Да я бы и сам не возражал против сильного характера, – вздохнул Гейбриел. – Но золотое руно Димсдейла напрочь лишено фигуры – это прискорбное обстоятельство заметно даже под бесформенным дорожным костюмом. Непохоже, что рядом с этим бестелесным созданием может быть весело.

– Жена дается человеку не для веселья. – Бервик поставил на стол пустой бокал и деловито поправил галстук. – Пора спуститься и навести порядок. Повар, которого мы привезли с собой, грозит уволиться. К тому же мне пришлось нанять еще трех работниц на кухню. Слава Богу, ваша невеста уже в пути – еще одного подобного события мы не потянем.

– Денег у нас и без нее хватает, – обиженно отмахнулся принц.

– В общем и целом. Подозреваю, что ремонт этих руин обойдется отнюдь не дешево.

Бервик ушел, а Гейбриел долго сидел неподвижно и смотрел на стол. В Англии жилось несравнимо спокойнее, чем в Марбурге. Там постоянно ему угрожала опасность: он мог, например, случайно влипнуть в одну из бесконечных политических интриг или военных авантюр, от которых у братьев моментально загорались глаза.

А главное, здесь у него был собственный замок. Чудесный, старинный, огромный замок.

Глава 11

– Ужинать предстоит с принцем и ближайшими родственниками, – нервно оповестил Элджи. – Они называют это «в семье».

– В семейном кругу, – поправила Кейт.

– Интересно, на каком языке говорят в Марбурге? Если на немецком, я не пойму ни слова.

– Здесь я слышала французскую речь, – заметила Кейт.

– Французскую? Французский я учил в Итоне. – Лорд Димсдейл помолчал. – Но вот только мало что помню. Неужели и за столом будут говорить по-французски?

– Не волнуйтесь: если потребуется, я переведу, – успокоила Кейт и впервые порадовалась, что приехала вместо Виктории: бедняжка понятия не имела об иностранных языках. Самой ей посчастливилось заниматься французским еще при жизни отца. – А что вам известно об окружении принца?

К сожалению, лорд Димсдейл ничего не знал о семье матери и даже перед ответственной поездкой не потрудился навести справки.

Стол был накрыт в чудесной комнате. Хотя Бервик и назвал ее маленькой утренней гостиной, она оказалась намного просторнее любой из комнат в Ярроу-Хаусе.

Принц, разумеется, сидел во главе стола, одетый в темно-синий сюртук поверх сиреневого жилета с золотыми пуговицами. Парик Кейт и его жилет гармонировали как нельзя лучше.

Выглядел он потрясающе: необычайно красиво и ужасно дорого.

А главное, откровенно скучал.

Наблюдать за его высочеством издали было бы, пожалуй, интересно, но, к собственному ужасу, Кейт обнаружила, что сидеть предстоит по правую руку от хозяина. В тумане смущения и смятения она подошла к своему месту, почему-то остро ощущая тяжесть бриллиантового ожерелья на шее и бриллиантового гребня в волосах. В эту минуту Кейт казалась себе дочерью богатой содержанки, которая втерлась в благородную компанию в надежде найти состоятельного мужа.

К счастью, на самом деле все обстояло совсем иначе. Отец был младшим сыном графа. Да-да, графа! И этот неоспоримый факт не могло отменить даже то грустное обстоятельство, что умер он, не оставив дочери приданого, а в конце жизни женился на особе легкого поведения.

Разочарование, конечно, забыть трудно, и все-таки родословная есть родословная и отменить ее невозможно. Внучка графа, даже обедневшая, навсегда останется внучкой графа.

Вдохновляющая мысль заставила Кейт поднять подбородок и расправить плечи. Принц беседовал с какой-то полной дамой, сидевшей слева, – та с очень серьезным видом рассказывала о чем-то. Кейт прислушалась и поняла, что почтенная особа говорит по-немецки, а его высочество отвечает по-французски. Джентльмен справа тоже оказался вовлеченным в диалог, так что Кейт ничего не оставалось, как есть рыбу и слушать реплики принца.

Вот леди высказала какое-то смелое суждение, и хозяин назвал его необузданным разгулом фантазии. Леди возразила, после чего принц тоже перешел на немецкий. Кейт утратила возможность подслушать даже половину разговора, но не перестала внимательно наблюдать из-под ресниц.

Первое, что в этом человеке бросалось в глаза, – абсолютное монаршее величие. Аристократическое высокомерие сквозило в чертах лица, и спутать его с обычной самоуверен-

ностью было невозможно, хотя и эта черта присутствовала в характере в избытке. Чего стоила одна лишь резкая линия подбородка! Скорее всего впечатление создавалось благодаря глубокой убежденности принца в собственном всемогуществе: он явно не допускал, что мир способен послушаться и отказаться вращаться исключительно по высочайшей команде. Уж ему-то наверняка ни разу в жизни не приходилось заниматься теми делами, которые Кейт считала вполне обыденными. Самым тяжелым и неприятным, конечно, оказался опыт непосредственного участия в появлении на свет теленка.

Принц мог не беспокоиться о том, что в этот момент в его комнате заперты три маленькие, дурно воспитанные собаки.

Он...

Мисс Долтри положила в рот очередной кусок рыбы.

– И о чем же вы так упорно думаете?

Бархатный голос прозвучал глубоко, а заметный акцент придал обычному вопросу экзотические нотки.

– О рыбе, – неискренне ответила Кейт.

Принц сразу почувствовал обман. В глазах вспыхнули насмешливые искры.

– Готов поспорить, что обо мне.

Английская душа бурно воспротивилась невиданному иноземному нахальству.

– Если вас это порадует, то да – я действительно думала о вас.

– Отвечаете точно так же, как мой дворецкий.

– Неужели Бервик – англичанин?

Вопрос явно вызвал интерес.

– Нет. Он вырос вместе со мной: знаю его всю жизнь, – но что же изменилось бы в том случае, если бы он вдруг оказался англичанином?

Кейт пожала плечами.

– Мы никогда не спрашиваем людей, думают ли они о нас.

– Что же в этом плохого? Поскольку британское воспитание не позволяет вам задать вопрос, скажу сам: да, я думал о вас.

– Невероятная честь! – Кейт постаралась вложить в комментарий всю холодность, с которой разговаривала с булочником, после того как тот попытался ее обсчитать.

– Какой интересный парик, – заметил его высочество с лукавой улыбкой. – Фиолетового не доводилось видеть еще ни разу.

– Должно быть, редко бываете в Лондоне, – небрежно отозвалась Кейт. – И в Париже. Цветные парики сейчас в моде.

– Предпочел бы увидеть вас вообще без парика.

Кейт попыталась сдержать возмущение, однако ничего не получилось.

– Не понимаю, с какой стати собственное мнение относительно моей прически кажется вам достойным внимания. Это так же странно, как если бы я вдруг проявила интерес к вашим волосам.

– А разве мои волосы вас не интересуют?

Самодовольство этого человека перехлестывало через край. Кейт ощутила бессильное и оттого еще более острое раздражение. Принц ни на миг не сомневался во всеобщем поклонении.

– Нет, не интересуют, – просто ответила она и подняла взгляд. – Волосы остаются не больше чем... волосами, пусть даже немного взлохмаченными и слишком длинными. Но приходится делать скидку на полное отсутствие интереса к моде и редкие визиты в столицу.

Принц рассмеялся: как-то по-особому, совсем не по-английски – как будто акцент распространялся даже на смех.

– А во время нашей первой встречи мне показалось, что они совсем вам не понравились. Ну а теперь, мисс Долтри, позвольте считать тему причесок исчерпанной и спросить, какое впечатление произвел на вас Ланкашир.

– О, здесь очень красиво, – восхищенно ответила Кейт и, не сдержавшись, полюбопытствовала: – А у вас дома, в Марбурге, пейзажи совсем другие?

Разумеется, собеседник улыбнулся. Должно быть, решил, что она поступила предсказуемо и сразу перевела разговор в более безопасное русло. Кейт посмотрела с легким осуждением, хотя и не верила, что посыл достигнет цели. Люди подобного склада обычно не замечают ни иронии, ни презрения.

– Здесь намного больше зелени, – заговорил принц. – Когда езжу верхом по окрестностям, не могу отделаться от мысли, что английская природа противоречит английскому характеру.

– В каком смысле? – Чья-то рука забрала из-под носа Кейт тарелку с рыбой и поставила другую. Очевидно, этот ужин относился к числу тех, о которых ей доводилось лишь читать: с двадцатью четырьмя переменами блюд и пятнадцатью десертами. Поистине королевское меню.

– Англичане так скромны в отношении плодовитости, – с улыбкой пояснил принц, – а растительность поражает буйным, безудержным стремлением к продолжению рода.

От неожиданности Кейт едва не потеряла дар речи.

– Вы... вы не имеете права говорить со мной на такие темы.

– До чего же поучительная беседа! Судя по всему, природа в Англии относится к той же категории, что и волосы: говорить о ней за столом не принято.

– Значит, в Марбурге вы свободно обсуждаете плодовитость с юными леди? – уточнила Кейт, на всякий случай стараясь говорить тихо: сидевшая напротив пожилая особа посматривала с подозрительным вниманием.

– О, плодовитость во всевозможных проявлениях, – невозмутимо подтвердил собеседник. – Видите ли, при дворе великого герцога страсти кипят поистине безудержно. Надо признать, что, как правило, кипение заканчивается быстро, но зато протекает особенно бурно. Правда, сейчас, во время правления брата, обстановка заметно изменилась.

Кейт не смогла скрыть искреннего интереса.

– Но почему же? Неужели нынешний великий герцог каким-то образом подавляет придворных? Вы кажетесь настолько... – Она испугалась и замолчала. Разве позволено давать характеристики королевским особам?

– Ах, до чего же хочется узнать, каким я кажусь! Но из страха услышать гневную ответь скажу лишь, что примерно год назад брат пригласил ко двору болезненно благочестивого проповедника и уже спустя неделю тот убедил подданных отказаться от любых развлечений, кроме тех, которые получили одобрение церкви.

– Полагаю, на вас влияние не распространилось, – покачала головой Кейт и тут же спохватилась: да, она снова дала собеседнику повод всласть порассуждать о себе, любимом. Должно быть, такова привилегия принцев: притягивать к собственной персоне все разговоры.

– Я проявил категорическую невосприимчивость к риторике отца Пранса, – усмехнулся принц. – Надо заметить, очень неудачно. Вскоре выяснилось, что брат Огастас считает идеи проповедника посланными свыше.

– И чем же отец Пранс рекомендовал заменить обычные светские развлечения?

– Особенно его возмущали действия, которые он квалифицировал как «богохульство в спальне». К ним относилось практически все, чем мужчины и женщины занимаются вместе. Для борьбы с грехом он установил в гостиной доску, на которой педантично вел подсчет набранных очков. Ну а в награду, разумеется, обещал вечную жизнь.

Кейт положила в рот кусочек жаркого из оленины и, пока жевала, обдумывала странные события в Марбурге.

– Подобные теории мне доводилось слышать и с церковной кафедры.

– Да, но обычно священники выражаются весьма туманно. Ограничиваются завуалированным упоминанием о Жемчужных вратах, об облаках. А наш проповедник твердо отстаивал собственные убеждения и имел мужество высказывать их прямо и неприкрыто. К тому же его система баллов позволяла заработать дополнительные милости за прилежное заучивание отрывков из Библии.

– И что же это за милости?

– Среди дам особым почетом пользовалось право носить вместо простых белых платьев серебряные наряды. Должен заметить, что вопросы моды оказались непреодолимым искушением для тех, кто при иных обстоятельствах мог бы впасть в неверие. Знание Библии превратилось при дворе в своего рода состязание – особенно после того как дополнительные очки были обещаны каждому, кто соглашался декламировать выученные отрывки на публике.

– Примерно по такой же системе я дрессирую своих собак, – призналась Кейт. – Разница совсем небольшая: в качестве награды вместо небесного блаженства дарую сыр. Но, честное слово, для моих подопечных это совершенно одно и то же.

– Наверное, поэтому я и потерпел сокрушительное поражение. Не люблю сыр.

Снова о себе, подумала Кейт и, чтобы не поддерживать разговор на нескончаемую тему, занялась едой.

– Не хотите узнать, в чем именно заключаются мои главные недостатки? – настаивал принц.

– Хочу, но боюсь, что перечисление займет слишком много времени, – улыбнулась Кейт. – Если не возражаете, то с удовольствием продолжила бы разговор о дворе вашего брата. Неужели все с готовностью подчинились системе?

– После того как Огастас проявил острый интерес, остальные последовали его примеру. Так уж устроены придворные.

– Должно быть, невероятно скучно.

– Надо признать, что внезапная набожность Огастаса поначалу стала для окружения настоящим ударом. Но со временем выяснилось, что все к лучшему: каждого, кто не сумел проявить необходимый энтузиазм, великий герцог просто сплавил с глаз долой. Так я и оказался здесь.

– А ваши придворные функционируют по тому же принципу?

– Мои? У меня нет никаких придворных.

Кейт посмотрела по сторонам.

– Высокие каменные стены. Гобелены, сотканые, должно быть, еще при самой королеве Елизавете. Чудесный сад. Множество слуг. Я ощущаю себя в самом настоящем королевском дворце! – Решив, что выразилась вполне определенно, она улыбнулась стоявшему справа лакею. – Спасибо, с олениной я уже покончила.

– Замок вовсе не предполагает наличия двора и придворных, – констатировал принц.

– Ах, Боже мой, ваше высочество, – пропела Кейт как можно любезнее. – Конечно же, вы правы, ваше высочество!

Было очень интересно увидеть, как сошлись у переносицы его густые брови. Бедный принц! Так привык, что все вокруг целуют ему ноги, что даже не смог поддержать игру.

– Двор служит вполне определенным целям, – серьезно пояснил хозяин. – Король или, как в случае с моим братом, великий герцог правит собственными землями. Я же не правлю ничем и никем, мисс Долтри. Следовательно, и придворным здесь взяться неоткуда.

– Что ж, в таком случае вам повезло вдвойне. Можно не беспокоиться о том, приносите вы пользу или нет.

– Полагаю, с вашей точки зрения, мир не получает от меня ровным счетом никакой пользы?

– Вы сами назвали себя принцем без подданных. Следовательно, бесполезны, но не по своей вине. Все дело в рождении, а обстоятельства появления на свет вашего высочества не предполагают необходимости приносить какую-то пользу людям. Равно как и ставить под сомнение рыночную стоимость того, что я сочла бы наследством еще более ценным.

– По-вашему, принц – это тот человек, который вообще не привык задумываться и искать смысл в окружающей действительности?

Взгляд внезапно потемнел, а открытая искренняя улыбка превратилась в ироничную. Кейт испугалась, не переступила ли порог дозволенной пронизательности, и попыталась загладить неловкость:

– Полагаю, вам отлично известна истинная ценность многих вещей, даже если материальная сторона дела и остается в тени.

Гейбриел посмотрел на нее внимательно и склонил голову чуть ниже.

– Когда-то где-то слышал, что женщина дороже рубинов. Или это относится исключительно к добродетельной женщине? Как жаль, что здесь нет отца Пранса, – уж он-то точно нашел бы ответ.

– Наверняка речь шла о добродетельной женщине, – убежденно заверила Кейт.

Принц улыбнулся так, как, должно быть, улыбался, соблазняя сговорчивых дам.

– А вы добродетельная женщина?

Мисс Долтри взглянула так, как взрослые смотрят на глупого ребенка, а для полной уверенности даже слегка похлопала его по руке.

– Позвольте небольшой совет: не просите даму самой назначать себе цену. Сумма наверняка окажется такой, какую вы не сможете себе позволить.

В этот момент пожилой джентльмен справа как раз повернул к ней голову, и Кейт воспользовалась удачным шансом.

– Расскажите, пожалуйста, о своем военном музее, – попросила она соседа. – Бидоны из-под молока всегда казались мне исключительно разносторонним материалом. Нет-нет, не беспокойтесь! Нашему с принцем разговору вы ничуть не помешаете! Мы уже успели изрядно друг другу наскучить.

Гейбриел посмотрел на затылок мисс Долтри и едва не рассмеялся. Поделом! Не надо было высокомерно предполагать, что все женщины только и делают, что мечтают стать принцессами. Равно как и то, что все англичанки безропотно падут к ногам лишь за то, что он иностранец.

Эта английская леди уже после нескольких фраз решила, что он не больше чем самолюбленный тупой осел. Мнение явственно читалось в глазах, в выражении хорошенького личика.

Впрочем, нос, кажется, все же слегка длинноват. Разве невеста Димсдейла не считается редкой красавицей? Нет, он бы так не сказал. Во-первых, под глазами глубокие тени, а у красавиц кожа должна быть безупречной, как персик. Во-вторых, светская особа наверняка выщипала бы брови до состояния тонкой дуги, а ее брови оставались слишком густыми и подчеркивали глубокие глаза. Удивительные глаза: они даже гармонировали с глупым сиреневым париком.

Еще один вопрос: какого цвета волосы скрывает этот парик? Судя по бровям, темно-русые – возможно, теплого каштанового оттенка. Не исключено, что коротко подстрижены.

Гейбриел терпеть не мог модные короткие прически, но ей, пожалуй, такая пошла бы. Высокие, четко очерченные скулы и...

Принц услышал, как тетюшка многозначительно откашлялась. О чем он думает? Не иначе как Бервик прав: за интересом к невесте племянника скрывается страх перед собственной судьбой.

У Татьяны, должно быть, безупречный точеный носик. И очаровательные глаза, которые будут смотреть на него с нескрываемым восхищением.

Сама собой явилась непрошенная мысль: мисс Долтри, без сомнения, воплощала женскую привлекательность.

Но как же насчет покорности?

Принц посмотрел на тетюшку и радушно улыбнулся.

А вот с покорностью большие проблемы.

Глава 12

– Неужели действительно собираетесь лечь спать? – тихо спросил Элджи, когда общество наконец встало из-за стола и направилось в гостиную. – Знаю, что редко выходите в свет, но сейчас еще очень рано.

«Редко выходите в свет». Чрезвычайно мягкое описание той жизни, которую Кейт вела в доме мачехи.

– Оставайтесь здесь, – распорядилась она. – Чем меньше я буду мозолить гостям глаза, тем лучше. Мистер Тулуз скорее всего встречался с Викторией прошлой весной. Можно считать, нам повезло: кажется, он не обратил на меня внимания, когда минуту назад мы столкнулись с ним лицом к лицу.

Элджи пожал плечами.

– На всякий случай лучше улыбаться всем подряд. Важно произвести на принца благоприятное впечатление. Кто бы мог подумать, что здесь соберется столько народу? Не случайно лорд Хинкл недавно сказал, что бомонд умирает от любопытства: все хотят увидеть моего дядю.

Теперь, когда выражение «мой дядя» обрело плоть и кровь, звучало оно совсем по-другому. Кейт не сомневалась, что родство с персоной королевских кровей послужит лорду Димсдейлу отличным подспорьем в свете.

– Увидимся утром, – пообещала она и повернулась, чтобы уйти.

Гостиная едва вмещала участников ужина, и в воздухе причудливо переплетались отзвуки множества голосов. Внезапно, возле двери, Кейт преградила путь фантастическая особа. Выглядела она лет на сорок и поражала яркой, если не сказать роскошной, внешностью. В отличие от многих присутствующих дам волосы незнакомка не остригла, а собрала в пышный пучок и напудрила, придав прическе земляничный цвет. Столь необычный оттенок плохо гармонировал с синими глазами, но в целом эффект получился потрясающим.

– Ты! – воскликнула неизвестная леди.

Кейт как раз пыталась незаметно ускользнуть, однако игнорировать столь прямое обращение оказалось невозможно.

– Я тебя знаю.

Знала она скорее всего Викторию, но сказать об этом не хватило духу, и Кейт любезно улыбнулась.

– О, конечно! Как поживаете?

– Нет, лично мы не знакомы, – нетерпеливо перебила ее дама и помахала украшенным драгоценностями веером. – Кто ты? Как тебя зовут?

Кейт сделала положенный в таких случаях реверанс.

– Я мисс Долтри.

– Так и есть! Ты как две капли воды похожа на Виктора. Вот уж действительно дьявол! – Впрочем, последнее замечание прозвучало с нескрываемой нежностью. – У тебя его нос и его глаза.

– Вы знали моего отца? – пролепетала Кейт.

– Еще как! – широко улыбнулась дама. Подобную озорную улыбку трудно было ожидать от благородной леди. – А зовут тебя Кэтрин. Наверное, удивись, откуда мне это известно?

Кейт внезапно испугалась, что опасный разговор кто-нибудь услышит.

– Вообще-то... – начала она, однако договорить не успела.

– Мне это известно, потому что я твоя крестная мать! Бог мой, как же давно все это было! Время летит с ужасающей скоростью. Когда я видела тебя в последний раз, ты была

забавной крошкой с пухлыми щечками и смешными большими ушами. – Она слегка прищурилась и вгляделась. – А теперь... Господи, до чего же похожа на отца! Вот только парик зря нацепила, поверь моему слову. У тебя прекрасные зеленые глаза. Ради всего святого, фиолетовые волосы с ними совсем не сочетаются!

Кейт почувствовала, как по шее ползет предательский румянец, однако крестная – ее крестная? – еще не закончила инспекцию.

– И вкладки в корсаже совсем ни к чему. Слишком много. Такое впечатление, что носишь два мешка с пудингом.

Румянец добрался до ушей.

– Простите, но я как раз собиралась подняться к себе в комнату и лечь спать. – Кейт снова присела в реверансе.

– Обиделась? Выглядишь не на шутку расстроенной и взволнованной. А вот Виктор отлично умел управлять собственными чувствами – это единственное, что ему удавалось контролировать. Ни разу не видела, чтобы он выходил из себя, даже когда был в стельку пьян.

Кейт поморщилась.

– В стельку?

– Ну вот, снова оскорбила. – Кажется, начало знакомства крестной понравилось. – Пойдем ко мне. Дворецкий не придумал ничего более оригинального, чем поселить меня в башне. Впечатление такое, будто я оказалась на небесах. Вот только голуби садятся прямо на подоконник.

– Но я не... как вас зовут? – наконец отважилась спросить Кейт.

Незнакомка подняла безупречную бровь.

– А разве отец ничего обо мне не говорил?

– Боюсь, он умер прежде, чем получил такую возможность.

– Вот старый вун! А ведь поклялся, что непременно все расскажет. Что ж, обязательно введу тебя в курс дела, но только не здесь. Этот замок до отказа набит сплетниками – каждый мечтает подслушать чужой секрет и поскорее растрезвонить по всему свету. Не стоит подливать масла в огонь.

Кейт, однако, проявила настойчивость:

– И все же, кто вы?

– Леди Генриетта Роут. Можешь называть просто Генри, мне так больше нравится. Лео-минстер, мой супруг, застрял вон там, возле буфета. Напивается в компании князя Вюртембергского. Бедный Лео просто не в состоянии пройти мимо бокала бренди. – Дама взяла Кейт под руку. – Впрочем, достаточно представлений. Пойдем.

Она решительно повела новообретенную крестницу вверх по лестнице, потом по длинному коридору и снова по лестнице. Едва оказавшись в просторной комнате, леди Генриетта толкнула Кейт на кровать и сдернула парик.

– Ах, у тебя даже волосы как у Виктора. Настоящая красавица!

Мисс Долтри чувствовала себя так, словно внезапно налетевший ураган подхватил ее, закружил и принес сюда, на вершину сказочной башни.

– А вы хорошо знали моего отца?

– Настолько хорошо, что едва не вышла за него замуж, – не задумываясь ответила леди Роут. – Вот только предложение он так и не сделал. До сих пор прекрасно помню первую встречу. Дело было в театре «Форчун», в антракте «Отелло». Я сразу поняла, что готова стать его Дездемоной.

– А мама там была? – Кейт внезапно обиделась: судя по всему, удачливой соперницей оказалась не только Марианна, но и леди Роут.

– Нет-нет. С твоей матушкой он еще даже не познакомился.

– О! – Кейт вздохнула с облегчением.

– Между нами завязался восхитительный флирт, – мечтательно продолжила Генриетта. – Однако будущая супруга уже положила на Виктора глаз, а спустя несколько месяцев ее отец и твой дед поймал его голыми руками, как полудохлую форель. Видишь ли, мистер Долтри – даром что сын графа – был удручающе беден.

– О! – снова не сдержалась Кейт.

– Но в то же время обладал одним неоспоримым достоинством: редкой, удивительной красотой. Такие же, как у тебя, блестящие золотистые волосы, необыкновенные глаза, высокие скулы... Если бы обстоятельства сложились иначе, не раздумывая вышла бы за него замуж.

Кейт молча кивнула.

– А потом он наверняка начал бы изменять; я схватила бы пистолет и выстрелила ему прямо в причинное место, – задумчиво добавила леди Роут. – Так что и с этой точки зрения все к лучшему.

Не сдержавшись, Кейт тихо рассмеялась, хотя и понимала, что грешно смеяться, слушая рассказ о безудержной неверности собственного отца.

– Он просто не мог ничего с собой поделать. Бывают на свете такие мужчины. Думаю, ты уже успела познакомиться с принцем? Так вот, он один из них. Даже самой властной женщине не удастся удержать дома этого неутомимого охотника за приключениями. С такими мужчинами очень приятно играть, но все-таки лучше держаться от них подальше. Поверь, дорогая, уж я-то знаю: третий раз замужем.

– Значит, мой крестный отец умер? – спросила Кейт. – Сожалею о вашей потере.

– О, это произошло очень давно, – отмахнулась леди Роут и тут же многозначительно улыбнулась: – Мы с твоим отцом...

– Между вами завязался роман, – сдержанно подсказала мисс Долтри.

– Нет-нет. Хотя для обоих было бы лучше, если бы отношения перешли заветную черту. Но мы были слишком молоды и глупы, так что дело ограничилось лишь разговорами о любви и пышными букетами роз, а до постели так и не дошло. Жениться на мне Виктор не мог, потому что большого приданого у меня не было.

К сожалению, каждая новая подробность открывала отца далеко не с лучшей стороны.

– Классические Ромео и Джульетта, – продолжала леди Роут, – только без яда и кинжала. И на том спасибо. Вместо трагической развязки Виктор просто женился на твоей матери, и дело с концом.

– А маму вы тоже знали?

Генриетта опустилась в кресло перед туалетным столиком, и глаз ее Кейт уже не видела.

– Твоя матушка отличалась слабым здоровьем и не провела в свете даже одного сезона, так что впервые я увидела ее только во время крестин.

– Я часто спрашивала себя, как родители сумели встретиться – ведь мама почти постоянно лежала в постели.

– А они и не встречались, – пожала плечами Генриетта. – Она увидела красавца в Гайд-парке и спросила, как его зовут. Все остальное сделал ее отец.

Открытие не порадовало.

– Я, конечно, тоже вышла замуж, – продолжила леди Роут, снова поворачиваясь к собеседнице. – Не думай, что безутешно страдала. Научилась любить своего мужа, а Виктор, насколько мне известно, сумел полюбить жену. Потом мы даже время от времени виделись – разумеется, открыто, в свете.

Кейт понимающе кивнула.

– Несколько лет спустя в Воксхолле он пригласил меня на танец. Тогда я только что снова потеряла ребенка и всласть поплакала на его плече. Да, детей мне Бог не дал.

Она печально вздохнула. Кейт захотелось ее утешить, хотя бы погладить по руке, но сочувствия леди Роут явно не искала.

– Ну а потом Виктор устроил так, что мы с мужем стали твоими крестными родителями.

Кейт слабо улыбнулась.

– Честно говоря, я была готова его убить. О, разумеется, мы провели церемонию должным образом. Как же иначе? Но его эгоизм и душевная слепота разозлили меня до глубины души. Неужели он действительно верил, что крестины его ребенка восполнят мне потерю собственных детей?

– Папа никогда не отличался особой деликатностью, – покачала головой Кейт, вспомнив, как жизнерадостно он сообщил о женитьбе, когда сама она еще остро переживала кончину матери. – Но ведь ничего плохого он не желал?

– Конечно, нет. Но в то время я так безутешно горевала из-за очередного выкидыша, что не могла этого понять. Расстроилась настолько, что во время церемонии постаралась не думать о тебе и даже притворилась, что тебя не существует на свете. И все же вот ты, красавица!

Кейт решила сделать главное признание:

– Но я здесь в чужом образе и под чужим именем.

– Неужели? – Леди Роут посмотрелась в зеркало и задумчиво припудрила нос. – Честно говоря, я и сама была бы рада сделать что-нибудь подобное. Порой так устаю от Лео! С удовольствием выдала бы себя за кого-нибудь другого. Но вот фиолетовый парик ни за что бы не надела!

– Фиолетовый парик – часть маскарада, – пояснила Кейт. – Я приехала вместо своей единокровной сестры Виктории, которая...

И она рассказала всю историю по порядку – главным образом потому, что леди Роут не проявила ни тени сочувствия, а лишь кивала и время от времени вставляла комментарии вроде: «Ах, Виктор! Что за негодяй!»

Надо заметить, что восклицание вовсе не звучало резким осуждением, а всего лишь констатировало объективный факт.

Леди Роут на миг задумалась и разложила ситуацию по полочкам:

– Итак, в настоящий момент ты исполняешь роль Виктории, обрученной с молодым джентльменом по имени Алджернон. Этому болвану пришло в голову притащить тебя сюда, чтобы получить благословение принца. Ну а свадьба необходима по той простой причине, что Виктория оказалась такой же распущенной, как и ее мать.

– Подобная формулировка превращает сестру в женщину легкого поведения, а на самом деле она совсем не такая: просто влюбилась.

– Влюбилась, – неопределенно повторила леди Роут. – Ради Бога, послушайся моего совета: ни за что не влюбляйся до свадьбы.хлопот не оберешься, а последствия, как правило, ужасны. Лишь один раз в жизни меня угораздило попасть под обаяние мужчины вне брачных уз, и этим мужчиной оказался не кто иной, как твой отец. Я сопротивлялась изо всех сил, но устоять все равно не смогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.